

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ДЕМОГРАФИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

С. Бородай

*магистр филологии, младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки
Института востоковедения РАН*

Проблема европейского ислама уже несколько десятилетий подробно исследуется на западе, тем не менее в научном сообществе по-прежнему не существует единого мнения о современном положении европейских мусульман и об их перспективах в этом регионе. В русскоязычной литературе данной теме, при всей ее актуальности и даже стратегической важности, уделено недостаточно внимания. Наша статья призвана несколько исправить сложившуюся ситуацию. Мы хотим представить общий обзор, касающийся положения мусульман в странах «первого эшелона исламизации» внутри Евросоюза (Франция, Германия, Дания, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Швеция). Источниковая база нашей работы — это серия отчетов Фонда Сороса за 2008–2009 годы, посвященных 11 городам ЕС. Специфика этих отчетов заключается в том, что в них, помимо общей информации, дается как бы «взгляд изнутри» на положение мусульман. Материалы отчетов мы дополняем другими актуальными исследованиями по демографии, рынку труда, рынку жилья, сфере образования, масс-медиа и др. Все это позволяет составить общее представление о положении и перспективах мусульман в наиболее исламизированных странах ЕС. Наш основной вывод заключается в том, что положение европейских мусульман не такое безнадежное, каким его обычно представляют в отечественной литературе и отечественных СМИ. Вероятно, передовые европейские страны постепенно преодолевают этап сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в эпоху, когда меньшинства будут активно интегрироваться в социальную действительность, способствуя модификации самой этой действительности (что вытекает из логики «интеграции», как она понимается идеологами ЕС). Результатом данного процесса должно стать создание специфического «европейского ислама», который будет опираться на концепт гражданства и характеризоваться ослабленной связью с неевропейскими этнокультурными традициями.

Работа состоит из восьми глав. В первой главе рассматривается проект Фонда Сороса, посвященный европейским меньшинствам. Во второй главе дается обзор демографической ситуации. В третьей главе анализируется политический контекст и некоторые акты ЕС, касающиеся проблемы интеграции. В четвертой главе рассматривается положение мусульман в сфере образования. В пятой главе дается обзор ситуации на рынке труда. В шестой главе анализируются жилищные условия и общественная безопасность. В седьмой главе рассматриваются проблемы самоидентификации и социального положения. В восьмой, заключительной главе делаются выводы о современном положении европейских мусульман и обрисовываются перспективы ислама в Европе.

1. Введение

Институт «Открытое общество», также известный как «Фонд Сороса» или «Фонд Открытое Общество», — это международная благотворительная организация, основанная в 1993 году американским финансистом Джорджем Соросом. На данный момент ее филиалы распространены в 30 странах мира, в том числе в России. Концепция Фонда Сороса вдохновлена знаменитым исследованием Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Целью Фонда является построение во всем мире либеральных демократий, в которых правительство было бы полностью подотчетным народу; такое «открытое общество» должно характеризоваться властью закона, уважением к правам человека, уважением к меньшинствам, разнообразием позиций, демократично избираемым правительством, рыночной экономикой и развитым гражданским обществом. Главная цель достигается через влияние на государственную политику, а также путем поддержки инициатив по улучшению и демократизации ситуации в отдельных областях (право, сфера образования, здравоохранение, СМИ и т.д.). Для реализации конкретных проектов и исследований выделяются большие гранты.

В последние годы Фонд Сороса уделяет внимание европейским проблемам. Было создано спе-

¹ Статья написана специально для данного журнала. С. Ю. Бородай является научным сотрудником Института востоковедения РАН (Сайт: <http://ivran.academia.edu/BorodaySergey>; Почта: sergey_boroday@inbox.ru).

циальное исследовательское направление «Наш дом — Европа» («At Home in Europe», АНІЕ). Этот проект сфокусирован на положении этнорелигиозных меньшинств. Позиция его организаторов может быть охарактеризована как мультикультуралистская: по их мнению, Европа не является монокультурной и монорелигиозной областью, так что растущие этнорелигиозные меньшинства выступают важной частью европейского социокультурного дискурса. В рамках проекта проводятся «качественные и междисциплинарные исследования, в которых документируется повседневный опыт и пути, посредством которых различные группы взаимодействуют со своим городом, местными властями и широкой общественностью. Главной целью является обнаружение полезных практических моделей в европейский городах, которые касаются борьбы с дискриминацией и продвижением инициатив по вовлечению и единению. Пропагандистские инициативы, опирающиеся на солидные исследовательские открытия, направлены на формирование государственной политики по интеграции и на критику дискурса, подрывающего религиозный и этнический плюрализм Европы»².

В центре нашей работы находится исследование жизни мусульман в 11 крупных европейских городах, проведенное АНІЕ в 2008–2009 годах сотрудниками Фонда Сороса были рассмотрены следующие города: Антверпен, Амстердам, Берлин, Гамбург, Копенгаген, Лестер, Лондон, Марсель, Париж, Роттердам, Стокгольм; исследование было сфокусировано на отдельных проблематичных районах в каждом из городов. На данный момент по всем городам, кроме Стокгольма, подготовлены подробные отчеты, которые имеются в открытом доступе³. Обобщающий доклад «Мусульмане в Европе» (далее — «Отчет Фонда Сороса», или ОФС) подготовлен Туфьялом Чодхури в 2010 году [MIE 2010].

Следует выделить несколько важных особенностей, которыми характеризуются отчеты, выполненные командой АНІЕ: во-первых, исследование ориентировано не на сухую статистику, а на непосредственный повседневный опыт мусульманского и немусульманского населения, на жизненно важные вопросы, мнения, оценки и т.д., поэтому, помимо собственно ста-

тистической информации, в отчетах много внимания уделено анализу точек зрения респондентов; во-вторых, почти все рассмотренные страны — Великобритания, Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Франция и Швеция — составляют первый эшелон исламизации внутри Евросоюза (см. ниже *рис. 1*), так что здесь мы можем наблюдать, с одной стороны, самые проблемные ситуации, а с другой стороны — вероятные модели исламизации других европейских регионов; в-третьих, исследование сфокусировано на проблемных районах внутри городов, так что здесь мы выйдем на самый «фронт» европейского ислама. Все эти особенности выгодно отличают отчеты АНІЕ от других современных исследований по европейскому исламу⁴.

Отчеты готовились на основе 200 детальных интервью с жителями каждого из городов (100 мусульман и 100 немусульман); таким образом, источниковая база главного отчета — это около 2200 подробных интервью по таким темам как интеграция, образование, рынок жилья, рынок труда, гражданская активность, СМИ и т.д. Также проводились интервью с представителями муниципальных властей, чиновниками, социальными служащими, членами общественных организаций и экспертами по отдельным городам. Все это позволило составить общую картину по поводу ситуации с этнорелигиозными меньшинствами в каждом из городов. Как отмечается в ОФС, «полученные результаты должны пониматься как краткая характеристика того разброса мнений, который мы встречаем среди простых мусульман и немусульман» [MIE 2010: 35]. Состав фокус-группы представлен в *табл. 1*.

Выводы об идентичности в ОФС опираются на мнение самого респондента, что избавляет от многих проблем, связанных с религиозной идентификацией. Известно, что процесс выделения мусульман как религиозной группы обладает спецификой. Как правило, в европейских исследованиях и официальных переписях религиозная принадлежность не рассматривается в качестве самостоятельной категории, а выводы о числе мусульман и их позиции делаются на основе этнической принадлежности. Действует предположение о том, что представитель этнического меньшинства, традиционно являющегося исламским, также, скорее всего, придерживается ислама. В большинстве случаев эта модель работает хоро-

² <http://www.opensocietyfoundations.org/projects/home-europe/background>.

³ См.: [Antwerp 2011; Amsterdam 2010; Berlin 2010; Copenhagen 2011; Hamburg 2010; Leicester 2010; London 2012; Marseille 2011; Paris 2012; Rotterdam 2010].

⁴ Ср., например, детальные обзоры отдельных государств в ежегоднике «Ислам в странах ЕС» [Yearbook 2009; 2010], которые, однако, больше подходят в качестве справочной информации.

Таблица 1.
Состав группы респондентов [МІЕ 2010: 34]

	Характеристика	Доля, %	Число респондентов
Религия	Мусульманин	50,5	1110
	Немусульманин	49,5	1089
Пол	Мужчина	49,1	1080
	Женщина	50,9	1119
Возраст	< 20	8,5	187
	20–29	28,1	618
	30–39	20,4	448
	40–49	19,2	422
	50–59	12,4	272
	60 +	11,3	249
Место рождения	Страна ЕС	53	1165
	Другая страна	47	1034
Уровень образования	Нет образования	5,8	128
	Начальное	11,5	252
	Среднее	50,6	1112
	Высшее	32,1	705
Занятость	Есть работа	45,8	1007
	Работает сам на себя	6,6	145
	Безработный	8,7	192
	Другое	38,6	849
Состав района проживания	Родственники	3,5	76
	Того же этноса и религии	10,6	234
	Той же религии, но др. этноса	5,8	128
	Того же этноса, но др. религии	2,5	54
	Другого этноса и религии	12,8	282
	Смешанное население	64,7	1423

шо, но все-таки она приводит к статистическим погрешностям. Именно так обстоит дело с некоторыми исследованиями, на которые мы ссылаемся в дальнейшем. Мы будем исходить из того, что статистические погрешности действительно существуют, но они не влияют на формирование общей картины.

Стоит также отметить, что в дальнейшем мы будем использовать слово «иммигрант» в специфическом смысле, имея в виду (исключая специально оговоренные случаи) «мусульманского иммигранта», «представителя этнического меньшинства, традиционно являющегося исламским», а также «ребенка иммигранта». Это свя-

зано, во-первых, с тем, что нас не интересуют немусульманские иммигранты (например, русские в Германии или сикхи в Великобритании), а во-вторых, с тем, что проблемное мусульманское население является крайне неоднородным, и оно не покрывается понятием «мусульманские иммигранты». Упрощенные схемы получения гражданства ЕС привели к тому, что многие мусульманские дети получают гражданство при рождении, но оттого они не перестают быть проблемной группой, требующей интеграции. Этот момент учитывается в последних актах ЕС, где под «иммигрантами» часто понимается также второе и третье поколение иммигрантов.

2. Демография

2.0. Мусульманское население Европы является одной из наиболее спорных и обсуждаемых проблем в демографии. На данный момент не существует консенсуса по поводу численности мусульман в Европе⁵. Цифры, представленные исследовательскими группами, зачастую значительно разнятся. Это связано с тем, что исследователи по-разному определяют границы «Европы», опираются на разные статистические подсчеты и результаты опросов в отдельных странах. Неоднозначность результатов связана также с тем, что в подавляющем большинстве стран категория «религии» не включена в перепись, и поэтому отсутствуют надежные источники информации. Наличие нелегальной иммиграции, масштабы которой не всегда легко оценить, также осложняет проблему. Все это дополняется неизбежной приблизительностью прогнозов и проекций на будущее. Но, несмотря на имеющиеся сложности, серьезные исследования позволяют составить общую картину и спрогнозировать наиболее вероятное развитие ситуации; они позволяют отбросить крайние проекции, которые либо принижают число мусульман, либо (что встречается чаще) драматизируют ситуацию и пророчат создание общеевропейского халифата в ближайшие десятилетия.

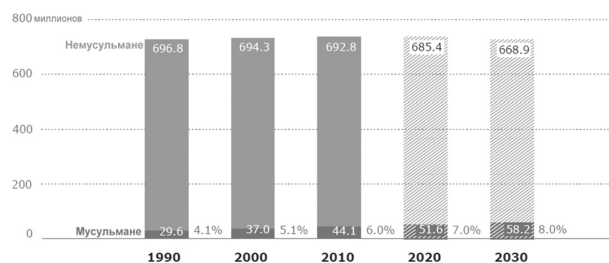
2.1. Демография не стала предметом специального рассмотрения в рамках ОФС. Для краткого обзора демографической проблематики мы обратимся к материалам Исследовательского центра «Пью» [Pew 2011: 121–136]. На данный момент отчет центра «Пью» является одним из самых детальных источников по проблеме мусульманской демографии в мире. Он интересен прежде всего тем, что в нем дается динамика роста мусульманского населения и проекция до 2030 года. Этот отчет характеризуется умеренными и взвешенными оценками, основанными преимущественно на официальных источниках. Иногда, правда, умеренность приводит к некоторому занижению показателей⁶, но подобные недостатки неизбежны в демографических исследованиях. Стоит отметить, что приводимые материалы даются с целью введения в проблематику, и они ни в коей мере не претендуют на законченное и исчерпывающее описание ситуации.

⁵ По проблеме демографии см. также работу Эрика Кауфмана в данном сборнике.

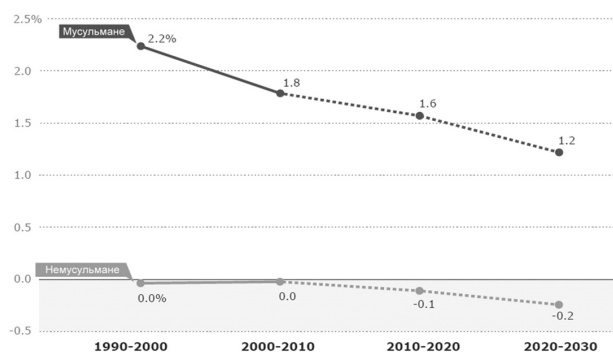
⁶ Так, для России показатели по числу мусульман и иммигрантов оказались заниженными, что, возможно, связано с недостаточной разработанностью официальной статистики.

Число мусульман по отдельным европейским странам, их доля от общего населения на 2010 год, материалы за 1990 год и проекция на 2030 год даны в *диагр. 1* и *табл. 2*. На *рис. 1* представлено географическое распределение европейских мусульман. Как мы видим, мусульманское население Европы выросло за 20 лет с 29,6 млн (4,1 %) до 44,1 млн (6 %); предполагается, что к 2030 году оно составит около 58 млн человек (8 %). Несмотря на довольно высокий рост, мусульманское население Европы составит к 2030 году лишь 3 % от общемирового, что сопоставимо с современными цифрами (2,7 %). К 2030 году в 10 европейских странах доля мусульманского населения будет превышать 10 %: Косово (93,5 %), Албания (83,2 %), Босния и Герцеговина (42,7 %), Македония (40,3 %), Черногория (21,5 %), Болгария (15,7 %), Россия (14,4 %), Грузия (11,5 %), Франция (10,3 %), Бельгия (10,2 %). На данный момент в России проживает наибольшее число мусульман — около 16 млн 379 тыс.; к 2030 году Россия сохранит статус самой исламизированной европейской страны (18 млн 556 тыс.).

*Диаграмма 1.
Мусульманское население Европы
в 1990–2030 гг.*

*График 1.
Прирост мусульманского населения
в 1990–2030 гг.*

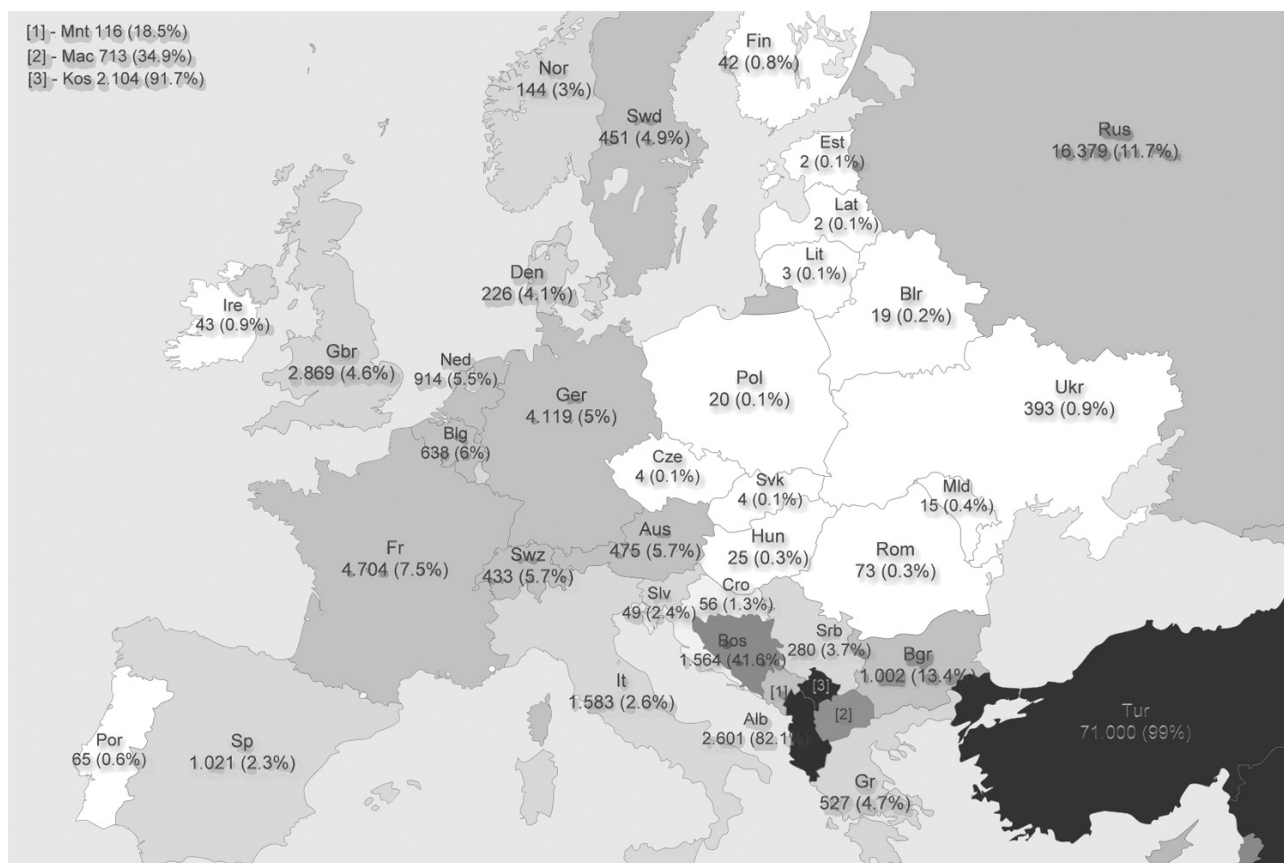

Рисунок 1. Мусульманское население в европейских странах в 2010 году, тыс. человек

Как показано в *графике 1*, степень прироста мусульманского населения снижается в последние годы. К 2030 году он должен составить 1,2%, что, тем не менее, значительно выше, чем у немусульманского населения, для которого будут характерны отрицательные показатели. Падение уровня прироста мусульман связано со снижением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции (см. ниже).

Одной из причин увеличения мусульманского населения является высокий коэффициент суммарной рождаемости. В *табл. 3* даны коэффициенты фертильности по 25 странам за 2005–2010 годы, а также предполагаемые коэффициенты рождаемости в 2025–2030 годах. Сегодня на каждую мусульманскую женщину в Европе приходится 2,2 ребенка, а на немусульманскую женщину — 1,5. Предполагается, что разрыв немного сократится к 2030 году (2,0 vs. 1,6). Во всех странах, кроме Боснии и Герцеговины, коэффициент рождаемости выше среди мусульман, чем среди немусульман. Особенно большое превосходство он имеет в Норвегии, Австрии, Финляндии, Ирландии, Косово, Сербии и Великобритании.

Другой причиной увеличения мусульманского населения является приток мигрантов из Южной Азии, Северной Африки, Турции и развивающихся

стран. В *Таблице 4* приведены данные о чистой иммиграции мусульман за 2010 год. Самые высокие показатели у Испании (70 тыс.), Франции (66 тыс.), Великобритании (64 тыс.) и Италии (60 тыс.). Предполагается, что к 2030 году Европа по-прежнему останется привлекательным регионом с точки зрения иммиграции, но в некоторых странах (Испания, Франция, Германия, Великобритания) показатели значительно упадут.

Важный фактор при оценке будущего мусульман в Европе — это возрастной состав населения. Материалы по возрастному составу мусульман и немусульман приведены в *диаграмме 2*. Если говорить в целом, то мусульманское население является более молодым. Почти 49% мусульман — это люди моложе 30 лет; среди немусульман этот показатель равен 34%. Предполагается, что к 2030 году превосходство мусульман по данному показателю сохранится (42% vs. 31%). Также считается, что мусульманское и немусульманское население значительно постареет к 2030 году: от 10,5% к 15,9% среди мусульман и от 23,8% к 31% среди немусульман.

2.2. Выводы. Материалы исследовательского центра «Пью» показывают, что мусульмане составляют около 6% европейского населения, и в ближайшие десятилетия их число будет рас-

Таблица 2.
Мусульманское население в европейских странах в 1990, 2010 и 2030 гг.

	1990		2010		2030	
	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман
Европа	29,650,000	4.1%	44,138,000	6.0%	58,209,000	8.0%
Албания	2,302,000	70.0	2,601,000	82.1	2,841,000	83.2
Андорра	<1,000	0.5	<1,000	1.1	1,000	1.1
Австрия	161,000	2.1	475,000	5.7	799,000	9.3
Беларусь	10,000	0.1	19,000	0.2	17,000	0.2
Бельгия	266,000	2.7	638,000	6.0	1,149,000	10.2
Босния и Герцеговина	1,843,000	42.8	1,564,000	41.6	1,503,000	42.7
Болгария	1,155,000	13.1	1,002,000	13.4	1,016,000	15.7
Хорватия	52,000	1.1	56,000	1.3	54,000	1.3
Чехия	<1,000	<0.1	4,000	<0.1	4,000	<0.1
Дания	109,000	2.1	226,000	4.1	317,000	5.6
Эстония	9,000	0.6	2,000	0.1	2,000	0.1
Финляндия	11,000	0.2	42,000	0.8	105,000	1.9
Франция	568,000	1.0	4,704,000	7.5	6,860,000	10.3
Грузия	625,000	11.5	442,000	10.5	433,000	11.5
Германия	2,506,000	3.2	4,119,000	5.0	5,545,000	7.1
Греция	254,000	2.5	527,000	4.7	772,000	6.9
Венгрия	17,000	0.2	25,000	0.3	24,000	0.3
Исландия	<1,000	0.1	<1,000	0.1	<1,000	0.1
Ирландия	15,000	0.4	43,000	0.9	125,000	2.2
Италия	858,000	1.5	1,583,000	2.6	3,199,000	5.4
Косово	1,955,000	87.8	2,104,000	91.7	2,100,000	93.5
Латвия	3,000	0.1	2,000	0.1	2,000	0.1
Литва	7,000	0.2	3,000	0.1	2,000	0.1
Молдавия	4,000	0.1	15,000	0.4	13,000	0.4
Черногория	94,000	16.0	116,000	18.5	136,000	21.5
Нидерланды	344,000	2.3	914,000	5.5	1,365,000	7.8
Норвегия	54,000	1.3	144,000	3.0	359,000	6.5
Польша	6,000	<0.1	20,000	0.1	19,000	0.1
Португалия	10,000	0.1	65,000	0.6	65,000	0.6
Македония	441,000	23.1	713,000	34.9	812,000	40.3
Румыния	46,000	0.2	73,000	0.3	73,000	0.4
Россия	13,634,000	9.2	16,379,000	11.7	18,556,000	14.4
Сербия	412,000	5.6	280,000	3.7	377,000	5.1
Словакия	<1,000	<0.1	4,000	0.1	4,000	0.1
Словения	29,000	1.5	49,000	2.4	49,000	2.4
Испания	271,000	0.7	1,021,000	2.3	1,859,000	3.7
Швеция	147,000	1.7	451,000	4.9	993,000	9.9
Швейцария	148,000	2.2	433,000	5.7	663,000	8.1
Украина	103,000 *	0.2	393,000	0.9	408,000	1.0
Великобритания	1,172,000	2.0	2,869,000	4.6	5,567,000	8.2

ти. Уровень прироста при этом будет снижаться, что связано с падением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции. К 2030 году мусульмане составят примерно 8% от общего населения Европы. Таким образом, можно гово-

рить о том, что исламизация Европы идет умеренными темпами, и здесь не предвидится резких скачков; модель Еврабии или общеевропейского халифата представляется фантастичной и невозможной демографически (с этим согласны и ана-

Таблица 3.
Показатели рождаемости в европейских странах в 2005–2030 гг.

	2005–2010			2025–2030		
	Мусульмане	Немусульмане	Разница	Мусульмане	Немусульмане	Разница
Албания	1.9	1.7	0.2	1.9	1.7	0.1
Австрия	2.4	1.3	1.1	2.1	1.4	0.7
Бельгия	2.5	1.7	0.9	2.2	1.7	0.5
Босния и Герцеговина	1.2	1.2	0.0	1.4	1.4	0.0
Болгария	1.8	1.3	0.4	1.7	1.4	0.3
Дания	2.7	1.8	0.9	2.4	1.8	0.6
Финляндия	3.3	1.8	1.5	2.8	1.8	0.9
Франция	2.8	1.9	0.8	2.4	1.9	0.5
Грузия	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Германия	1.8	1.3	0.5	1.7	1.4	0.3
Греция	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Ирландия	3.0	1.9	1.1	2.6	1.9	0.7
Италия	1.9	1.4	0.6	1.8	1.4	0.4
Косово	2.4	1.1	1.3	1.9	1.1	0.8
Черногория	2.5	1.5	1.0	2.3	1.7	0.6
Нидерланды	2.7	1.6	1.0	2.3	1.7	0.6
Норвегия	3.1	1.8	1.3	2.6	1.8	0.7
Македония	1.7	1.3	0.4	1.8	1.5	0.3
Румыния	1.4	1.3	0.0	1.4	1.4	0.0
Сербия	3.1	1.6	1.5	2.7	1.7	1.0
Испания	1.6	1.4	0.2	1.5	1.4	0.1
Швеция	2.5	1.8	0.8	2.3	1.8	0.5
Швейцария	2.4	1.4	0.9	2.2	1.6	0.6
Украина	1.9	1.5	0.4	1.9	1.7	0.3
Великобритания	3.0	1.8	1.2	2.5	1.8	0.8
В среднем по странам	2.2	1.5	0.7	2.0	1.6	0.4

литики Центра «Пью»). Вероятно, постепенный рост мусульманского населения будет сопровождаться более активным включением мусульман в социальную действительность, что не может не привести к трансформации самой этой действительности. Об официальной стратегии такой интеграции мы и поговорим в следующем разделе.

3. Политический контекст интеграции

3.0. С тех пор как европейским политикам стало понятно, что иммигранты не собираются возвращаться на родину, что их число будет только расти и что их включение в социальную жизнь не будет происходить «естественным образом», проблема интеграции этнических меньшинств встала на повестку дня. Более или менее основательно этим вопросом начали заниматься лишь

15–20 лет назад, а общая стратегия была выработана около 10 лет назад. Для понимания того, как решается данная проблема, требуется вкратце рассмотреть политический и идеологический контекст, в рамках которого работают политики Евросоюза, а также механизмы решения вопросов, действующие на уровне ЕС.

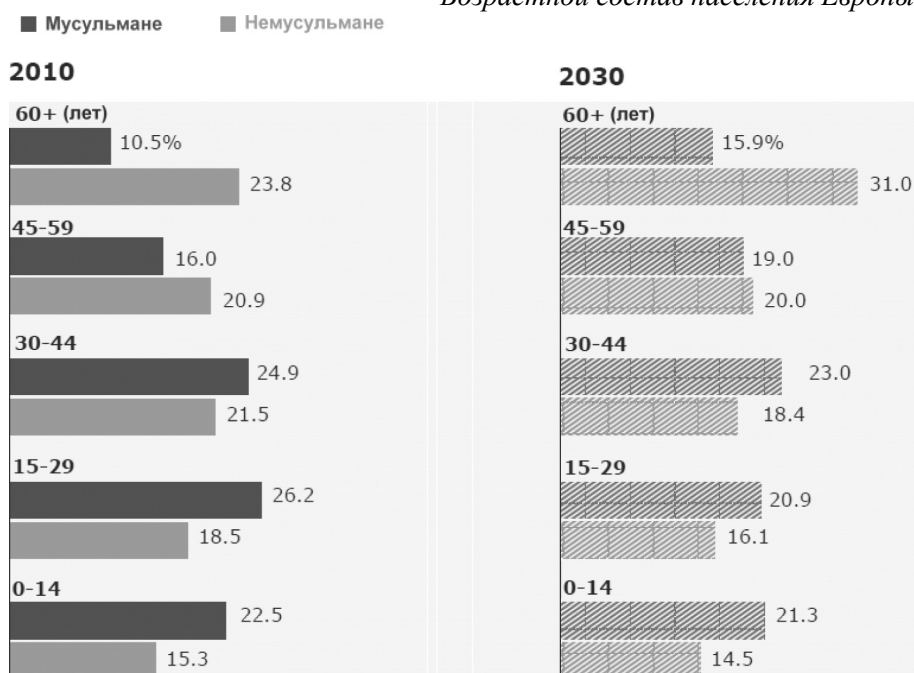
3.1. Основная модель и механизмы реализации.

Последним официальным актом, в котором закреплены идеологические принципы Европейского союза, является Лиссабонский договор, подписанный 19 октября 2007 года. В этом договоре уточняются базовые ценности ЕС, в частности «признание человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, власть закона и уважение к правам человека»; при этом подчеркивается, что права человека включают в себя «права людей, при-

Таблица 4.
Показатели чистой иммиграции мусульман за 2010 год

	Примерный чистый приток мусульманских иммигрантов	Доля мусульман среди новых иммигрантов	Доля мусульман от общего населения
Западная Европа			
Франция	66,000	68.5%	7.5%
Нидерланды	3,000	42.6	5.5
Бельгия	14,000	30.8	6.0
Австрия	8,000	23.4	5.7
Швейцария	2,000	19.0	5.7
Германия	22,000	14.7	5.0
Южная Европа			
Греция	12,000	29.7	4.7
Италия	60,000	23.7	2.6
Испания	70,000	13.1	2.3
Северная Европа			
Швеция	19,000	45.4	4.9
Норвегия	7,000	34.0	3.0
Великобритания	64,000	28.1	4.6
Финляндия	2,000	20.6	0.8
Ирландия	5,000	9.6	0.9
Дания	<1,000	8.0	4.1
Восточная Европа			
Болгария	<1,000	41.9	13.4

Диаграмма 2.
Возрастной состав населения Европы

надлежащих к меньшинствам», а деятельность ЕС должна базироваться на плюрализме, отсутствии дискриминации и толерантности. Для реализации этих общих и абстрактных принципов задействуются конкретные механизмы. В случае с этническими и религиозными меньшинствами данные механизмы должны обеспечивать интеграцию в таких областях, как образование, рынок труда, рынок жилья и др. Главная задача политических институтов ЕС — это выработка адекватной стратегии, поддержка всех инициатив по реализации стратегии на локальном уровне, а также стимулирование политической активности по тем или иным направлениям.

На проблемах социальной вовлеченности и интеграции этнических меньшинств сосредоточены несколько директоров Европейской комиссии⁷. Проблемами занятости и дискриминации на рынке труда занимается Генеральный директор по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Межкультурным диалогом и сферой образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC). Вопросами здравоохранения занимается Генеральный директорат по здравоохранению и защите потребителей (SANCO). Более широкая область компетенций покрывается Генеральным директоратом по региональной политике (REGIO), который занимается благоустройством городов, рынком жилья и экологией. Важно отметить, что в работе всех директоров акцент делается не на религиозных, а на этнических меньшинствах. Но поскольку подавляющее большинство европейских мусульман связаны с этническими меньшинствами, то они в целом попадают в сферу компетенции директоров.

Помимо директоров Европейской комиссии, интеграционные и иммиграционные стратегии разрабатывают также министерские конференции. Первая встреча министров по интеграции состоялась в 2004 году в Гронингене; на ней был принят фундаментальный документ, касающийся общих базовых принципов интеграции (см. ниже). Вторая конференция состоялась в 2007 году в Потсдаме; здесь был сделан акцент на межкультурном диалоге как инструменте интеграции. Третья конференция состоялась в 2008 году в Виши; в финальной декларации были выделены шесть приоритетных областей: продвижение фундаментальных ценностей ЕС;

интеграция; доступ к рынку труда и продвижение многообразия; интеграция женщин и образование детей; использование межкультурного диалога для продвижения интеграции; развитие интеграционной политики. Наконец, четвертая конференция состоялась в 2010 году в Сарагосе; на ней была разработана последняя версия «Пособия по интеграции для политиков и исполнительной власти» [Handbook on Integration 2010].

3.2. Концепция интеграции. Официальный акт «Общие базовые принципы интеграции» был принят на первой министерской конференции в 2004 году. Основное внимание в нем уделено интеграции иммигрантов, то есть выходцев из тех стран, которые не являются членами ЕС. Однако, как отмечалось авторами документа, интеграционная стратегия должна также затронуть этнические и религиозные меньшинства, вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства у их представителей. Примерно треть мусульман, проживающих в странах ЕС, не являются гражданами этих стран, поэтому интеграционные инициативы затрагивают их напрямую; в то же время большая часть оставшихся мусульман, несмотря на наличие гражданства, плохо интегрированы в социальную жизнь, и поэтому принятые инициативы затрагивают их косвенно. Для более полного понимания общеевропейской стратегии мы приводим далее наш перевод программного текста «Общие базовые принципы интеграции» (The Common Basic Principles on Integration) по изданию 2010 года [Handbook on Integration 2010: 160].

Общие базовые принципы интеграции.

1. Интеграция является динамическим двухсторонним процессом взаимного приспособления между всеми иммигрантами и жителями государства-участников.

2. Интеграция предполагает уважение к базовым ценностям Европейского союза.

3. Трудовая занятость является ключевым элементом интеграционного процесса, она играет центральную роль в социальной вовлеченности мусульман, является ядром того вклада, который вносят иммигранты в принимающее общество, и делает этот вклад осязаемым.

4. Базовое знание языка, истории и институтов принимающей стороны необходимо для интеграции; доступность этого базового знания для иммигрантов имеет существенное значение для успешной интеграции.

5. Успехи в образовательной сфере имеют решающее значение в подготовке иммигрантов, и в особенности их потомков, к успешному и более активному участию в жизни общества.

⁷ Полный список директоров и сферы их компетенции представлены на сайте Евросоюза: http://ec.europa.eu/about/ds_en.htm.

6. Доступ иммигрантов к институтам, а также к публичным и частным благам и сервисам, на основе равных прав с гражданами страны и без дискриминационных признаков — это база для лучшей интеграции.

7. Регулярное взаимодействие между иммигрантами и гражданами стран-участников является фундаментальным механизмом интеграции. Общие форумы, межкультурный диалог, изучение иммигрантов и культур иммигрантов, улучшение жилищных условий в городских округах укрепляют связи между иммигрантами и гражданами.

8. Практика различных культурных традиций и религий гарантируется Хартией Европейского союза по правам человека, и она должна охраняться, но при том условии, что практика не вступает в конфликт с другими неприкосновенными европейскими правами и национальным законодательством.

9. Участие иммигрантов в демократическом процессе и в оформлении интеграционной политики и интеграционных мер, особенно на местном уровне, обеспечивает их интеграцию.

10. Включение на правах мейнстрима интеграционной политики и интеграционных мер во все релевантные политические портфели и уровни государственного и общественного обеспечения является важным принципом, который следует задействовать в формировании и реализации публичной политики.

11. Разработка ясных целей, показателей и механизмов оценки необходима для приспособления политики, измерения прогресса в интеграции и более эффективного обмена информацией.

Можно отметить некоторые важные принципы, зафиксированные в программном документе. Самым существенным новшеством документа является специфическое понимание интеграции. Согласно широко распространенному мнению, под интеграцией иммигрантов следует понимать полноценное включение иммигрантов в жизнь данного общества, при этом акцент делается на приспособлении иммигрантов к нормам и негласным правилам данного общества. В противоположность этому, в «Общих базовых принципах» иммиграция понимается в более либеральном ключе; она трактуется как «динамический двухсторонний процесс», который предполагает «взаимное приспособление между всеми иммигрантами и жителями государств»; по сути, интеграция требует не только активности со стороны иммигрантов, но и со стороны общества. Тезис о том, что иммиграция — это двухсторонний процесс взаимного приспособления, превра-

тился в настоящее заклинание, которое постоянно рецитируется европейскими политиками. Если ранее результатом интеграции считалась полноценная включенность иммигрантов в общество, то в новом документе менее определенным стало понимание того, к какому результату должна вести интеграция и предполагает ли она вообще достижение некоего фиксированного результата. Согласно «Общим базовым принципам», интеграция является, скорее, процессом обоюдной трансформации, чем конечным состоянием.

Интересно, что несмотря на столь резкий скачок в трактовке интеграции, «Общие базовые принципы» подверглись значительной критике как недостаточно либеральные и слишком требовательные к иммигрантам. Критика способствовала выработке более определенной интерпретации первого пункта, которая была зафиксирована в последующих документах. Приведем некоторые важные выдержки из них: «Интеграция является динамическим, долгосрочным и продолжающимся двухсторонним процессом взаимного приспособления, но не статичным результатом. Она требует участия не только иммигрантов и их потомков, но вообще всех жителей. Интеграционный процесс предполагает адаптацию со стороны иммигрантов (как мужчин, так и женщин), имеющих все права и возможности, в отношении новой страны их пребывания. Этот процесс также предполагает активность принимающего общества, которое должно создать условия для полного экономического, социального, культурного и политического участия иммигрантов. Соответственно, государства-участники должны поддерживать вовлеченность иммигрантов и граждан в политику интеграции и сообщать об их взаимных правах и обязанностях» [JHA 2004: 19]; «Интеграция является динамическим двухсторонним процессом, в который включены как иммигранты, так и принимающее общество, при этом обязанности распределены между обеими сторонами... Наиболее важной задачей, связанной с реализацией успешной интеграционной политики и обеспечением долгосрочного социального единства, является включение принимающих обществ в данный процесс» [Conclusions 2007]. Стоит отметить, что обилие разнообразных документов, отчетов и протоколов, разработанных институтами ЕС, способствует появлению разных трактовок данного вопроса и открывает поле для политического маневра (см. критический обзор [MIE 2010: 45–48]).

В программном документе сформулированы и другие важные идеи, касающиеся положения иммигрантов. Сейчас нет возможности остано-

ливаться на них подробно, поэтому отметим лишь самые общие тенденции. Во-первых, утверждение о необходимости уважать базовые ценности Евросоюза выражено более или менее нейтральным языком; оно адресовано не только к иммигрантам, но и к гражданам государств; тем самым подчеркивается, что «базовые ценности» являются объединяющим началом, на основе которого происходит взаимное приспособление; в другом документе разъясняется, что именно имеется в виду под базовыми ценностями: «права человека, свобода слова, демократия, толерантность, равенство между мужчиной и женщиной, обязательное школьное образование» [EPIA 2008]. Во-вторых, признается необходимость дифференцированного подхода к разным группам иммигрантов, что позволяет проводить более гибкую и четко ориентированную политику. В-третьих, учитывается, что интеграционный процесс должен затрагивать не только иммигрантов в узком смысле, но и этнические меньшинства в широком смысле (в том числе тех их представителей, которые имеют гражданство данной страны).

Таким образом, в «Общих базовых принципах» отражена долгосрочная стратегия интеграционной политики ЕС. Как уже было сказано, данный документ критиковался по разным направлениям многими авторами; в частности отмечалась неоднозначная интерпретация «интеграции», недостаточное внимание к участию принимающих обществ, размытость понятия «ценности Евросоюза» и др. Несмотря на это, концепция «Общих базовых принципов» является несомненным продвижением в сравнении с ранними представлениями. Возможно, некоторая неоднозначность понятия «интеграции» является даже удачным обстоятельством, поскольку в современных переходных условиях требуется тонкое политическое лавирование между заданной моделью интеграции и неподготовленностью европейского большинства к восприятию элементов чуждой культуры (о чем свидетельствуют материалы опросов). Европейские политики могут апеллировать, в зависимости от обстоятельств, к одной из двух версий «интеграции» — к «сильной версии», предполагающей приспособление и культурную трансформацию принимающего общества, или к «слабой версии», говорящей только о создании условий для включения иммигрантов в существующую социальную модель. Подобная концептуальная гибкость — это то, в чем сейчас нуждается европейская интеграционная политика.

Для поддержки проекта интеграции были предприняты многочисленные инициативы.

Одно из приоритетных направлений — сбор и обмен информацией, которая необходима для создания адекватного представления о ситуации. С 2004 года выпускаются подробные справочники по интеграции, содержащие релевантные материалы и рекомендации для чиновников всех уровней. Первый том вышел в 2004 году, второй — в 2007 году, третий том — в 2010 году⁸. С 2003 года также установлены Национальные контактные группы (NCPs) по интеграции; они способствуют обмену информацией и практиками между отдельными государствами-участниками. Для более свободного обмена опытом создан специальный веб-сайт⁹. Наряду с ним был запущен также форум по европейской интеграции, перед которым поставлены самые широкие задачи. Наконец, финансовая поддержка проекта обеспечивается Фондом европейской интеграции (EIF) и Фондом по поддержке беженцев (ERF). Деятельность Фонда европейской интеграции сосредоточена на создании подходящих условий для иммигрантов; поддержку от Фонда получают только зарегистрированные иммигранты. Общий объем средств за 2007–2013 годы составил 825 млн евро. Из них 768 млн евро распределены между государствами-участниками в соответствии с числом зарегистрированных иммигрантов. Оставшиеся 57 млн евро направлены на реализацию конкретных программ. Среди приоритетных направлений за 2009 год отмечены следующие: сбор информации о настроениях в обществе и среди иммигрантов, развитие более обстоятельного понимания интеграционных процессов; принятие интеграционных мер, нацеленных на молодежь и специфические гендерные проблемы; стимулирование активности гражданских организаций и местных властей для формирования стратегий интеграции. Помимо этих базовых задач, Фонд также финансирует проекты по самым широким областям, связанным с проблемами иммигрантов.

3.3. Локальные стратегии. Помимо общей интеграционной стратегии, на уровне ЕС существуют также локальные стратегии, затрагивающие такие области как образование, рынок труда, социальное обеспечение, межкультурный диалог и др. Для лучшего понимания политического контекста вкратце обрисуем эти стратегии.

Рынком труда и проблемами социальной вовлеченности занимается Генеральный директорат

⁸ Все три тома выложены в открытом доступе на сайте Группы по миграционной политике: <http://www.migpolgroup.com/>.

⁹ Адрес сайта: <http://ec.europa.eu/ewsi/en/>

по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Мусульмане не рассматриваются здесь как отдельная целевая группа; запросы мусульман решаются в рамках работы с этническими меньшинствами и иммигрантами. Последние признаются потенциально уязвимой группой, требующей особой поддержки. Официальная стратегия включает следующие положения: «Необходимо значительно сократить разрывы в уровнях занятости между людьми из разных социальных групп, включая различия между иммигрантами и гражданами ЕС... Борьба с дискриминацией и интеграция иммигрантов и меньшинств имеют особую важность» [Decision 2005]. Обновленная социальная программа предполагает выделение 1,2 млрд евро для поддержки иммигрантов на рынке труда в период 2007–2013 годы [Agenda 2008: 17]. В рамках некоторых других программ также затрагивается проблема занятости и социальной вовлеченности. Таким образом, по этому направлению ведется активная работа.

Сфера образования находится преимущественно в компетенции отдельных стран ЕС. На уровне ЕС проблемами образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC), но его функции являются ограниченными. Общеευропейская стратегия по вопросу образования была выработана в 2009 году, и ее главная цель заключается в «продвижении равенства, социального единства и активной гражданской позиции». Для реализации этой цели «система образования должна гарантировать, что все ученики — включая выходцев из уязвимых групп, особо нуждающихся и мигрантов — смогут закончить свое обучение, и при этом получить доступ к более продвинутому уровню и, там где это нужно, к индивидуальной работе... Образование должно продвигать межкультурные компетенции, демократические ценности и уважение к базовым правам и окружению; оно также должно бороться со всеми формами дискриминации, предоставляя всем молодым людям знания о том, как успешно взаимодействовать с их одноклассниками из различных этнических групп» [ET 2009]. Для реализации этих целей, в частности для стимулирования уровня образованности среди молодых и взрослых иммигрантов, используются ресурсы Европейского социального фонда (ESF).

Генеральный директорат по образованию и культуре занимается также вопросами межкультурного диалога. Эта новая область активности ЕС сформировалась в 2008 году, кото-

рый был назван «Годом межкультурного диалога». В этом же году была намечена стратегия по межкультурному диалогу, цель которой заключается в «поддержании уважения к культурному многообразию и работе со сложной действительностью наших обществ, предполагающих сосуществование различных культурных идентичностей и верований»; при этом «необходимо подчеркнуть вклад различных культур в наследие и образ жизни государств-участников и осознать, что культура и межкультурный диалог представляют решающее значение для понимания того, как жить вместе в гармонии» [Decision 2008]. Аналогичные положения были включены в культурную программу Евросоюза на 2007–2013 годы, озаглавленную как «Пересекая границы — соединяя культуры». Целью программы является «внесение вклада в становление европейского гражданства через продвижение культурной кооперации в Европе и выдвижение общеевропейской культурной арены, где заметно наследие и богатое культурное разнообразие».

К представленным стратегиям и программам можно также добавить такие направления работы ЕС, как борьба с дискриминацией, улучшение условий жилья, борьба с терроризмом. В этих направлениях также доминируют стратегии, ориентированные на помощь иммигрантам и этническим меньшинствам и на их активную интеграцию. Все это формирует общую парадигму, в которой работают институты ЕС. Для понимания реалий и перспектив интеграции необходимо учитывать идеологическую специфику этой парадигмы.

4. Образование

4.0. В документе «Общие базовые принципы интеграции» подчеркивается важность образования для интеграции. Образование предоставляет навыки и квалификацию, необходимые для успешной деятельности на рынке труда, и оно является ключевым фактором социальной мобильности. Образование также играет важную роль как форма социализации молодого населения, усваивающего в школе негласные правила и ценности данного общества. Следовательно, имеется необходимость в том, чтобы образовательные учреждения отвечали запросам мусульманского населения и были способны направить процесс социализации в нужное русло. Наконец, образовательные учреждения де факто связаны с интеграцией, поскольку в них происходит взаимодействие учеников, родителей и учителей, имеющих различное этническое происхождение. Все эти аспекты

обуславливают повышенное внимание со стороны Фонда Сороса, а также других общественных организаций, к проблемам мусульманского населения в сфере образования.

В рамках ОФС были собраны многочисленные материалы, касающиеся дошкольного образования, уровня языковой компетенции, сегрегации, дискриминации, места религиозных ценностей, позиции учителей и родителей и т.д. [MIE 2010: 92–108] Собранные материалы редко напрямую отражают религиозную идентичность учеников и студентов. Чаще всего в статистике используются такие категории, как «национальность», «этничность», «происхождение» и «родной язык», что более или менее облегчает идентификацию учеников по этническому и религиозному признаку. Производилась работа по улучшению методов сбора информации. Например, в Лестере использовалась база данных «Датанет», которая включает информацию о дискриминации по гендерному, этническому и другим признакам¹⁰. Подобные базы существуют также для некоторых французских и нидерландских городов. Стоит отметить, что наличие подробной статистической информации является показателем осведомленности о ситуации и залогом окончательного решения мигрантского вопроса.

4.1. Общие тенденции. Если в наиболее общем виде охарактеризовать уровень образования среди иммигрантов и детей иммигрантов, то можно сказать, что он значительно ниже, чем у представителей доминирующего этноса. Имеет место чрезмерная представленность иммигрантов на низших уровнях образования, и в то же время они недостаточно представлены в сфере высшего образования. Среди детей, покинувших школу до получения квалификации, доминируют иммигранты. Несмотря на эту хорошо известную ситуацию, из ОФС следует, что имеются некоторые положительные тенденции (см. ниже).

Существование разрыва в уровне образованности должно объясняться комплексными факторами: проблемой языковой компетенции, многочисленными формами дискриминации, предвзятостью, тенденцией к сегрегации, сложным положением родителей и т.д. При этом важно иметь в виду, что, вопреки расхожему мнению, этнические и религиозные меньшинства, как правило, имеют четкую установку на получение образования. Например, как следует из отчета Мусульманского совета Британии, мусульмане

считают проблему уровня образованности наиболее важной для них; опрос показывает, что эта проблема является даже более важной, чем проблема жилищных условий. Профессор Тарик Модуд справедливо полагает, что религия играет положительную роль в поддержании образовательных устремлений молодых мусульман Британии: «Для многих молодых азиатов ислам является источником образовательного вдохновения и мотивацией самосовершенствования, он способствует дисциплинированному и ответственному образу жизни... Ислам в Британии тонко балансирует между религией гетто и религией социальной мобильности, которая, подобно «протестантской этике», способна являться опорой решительности и дисциплины, а эти качества необходимы для того, чтобы суметь вовремя воспользоваться своим шансом» [Modood 2006: 250].

4.2. Дошкольное образование и языковая компетенция. В многолетнем общеевропейском исследовании интеллектуального, социального и поведенческого развития 3000 детей в возрасте от 3 до 7 лет, которое было выполнено К. Сильвой и коллегами, показано, что раннее обучение и дошкольное образование играют важную роль в процессе социализации. Авторы утверждают, что «дошкольное обучение может играть важную роль в борьбе с социальной сегрегацией и в развитии интеграции путем предоставления детям из неблагоприятных семей лучшего старта в начальной школе» [Sylva et al. 2004: 29]. Муниципальные власти и национальные правительства все больше заняты проблемой поддержки дошкольного образования; эта идея является ключевой в интеграционной стратегии нескольких городов. В Бельгии введены финансовые стимулы для детских садов, чтобы включать детей из бедных и неполноценных семей. В Гамбурге за год до принятия в школу оцениваются языковые навыки потенциального ученика, и в случае если уровень владения языком является низким, ребенку назначаются специальные лингвистические курсы. В Лестере проводится активная политика по повышению языковой компетенции детей раннего возраста и их родителей. В интеграционной политике Берлина (Integrationskonzept) также уделяется большое внимание раннему образованию, что проявляется в финансовом стимулировании детских садов.

Языковая компетенция является жизненно важной для достижения успеха в образовании. Политика всех исследованных городов ориентирована на обучение государственному языку. В Германии имеется национальная программа

¹⁰ Сайт базы данных: <https://datanet.leicester.gov.uk/about-datanet.html>

ForMig, в рамках которой осуществляется поддержка в обучении грамоте этнических меньшинств; особым успехом пользуется «Rucksackprojekt», развиваемый в Берлине. Согласно этому проекту, учителя начальных классов и воспитатели детских садов проводят инструктаж с родителями-мигрантами на их родном языке по поводу темы, которой будет посвящено следующее занятие; родители, в свою очередь, консультируют собственных детей на родном языке. Некоторые из родителей могут стать «семейными помощниками» (Elternbegleiter), проводя консультации с другими иммигрантами, а также помогая им устанавливать коммуникацию с учителями. Во Франции поддержка языка проявляется в виде вводных классов для детей с ограниченным знанием французского языка. Стоит отметить, что развитие языковой компетенции имеет важность как на ранних этапах обучения, так и на более поздних этапах. В результате исследования выяснилось, что успехи учеников в старших классах напрямую связаны с повышением языковой компетенции. Отмечается, что билингвы, усвоившие язык школьного обучения, часто превосходят по уровню образования своих сверстников монолингвов. Не случайно Министерство стандартов образования Великобритании, исследовав успехи бенгальских детей, сделало вывод о необходимости сосредоточить усилия на обучении государственному языку [ABHP 2004].

4.3. Сегрегация и дискриминация. В рамках ОФС показано, что по отношению к детям мигрантов имеет место феномен избирательного подхода со стороны учителей. Избирательный подход заключается в том, что уже на ранних этапах образования педагог склонен относить мигрантских детей к слабой группе учащихся и таким образом преграждать для них путь к более высоким ступеням образования; это происходит даже в случае отсутствия объективных причин, касающихся успеваемости. В Нидерландах высшее образование получают 60 % этнических голландцев и лишь 30 % мигрантов¹¹. Исследование общеевропейской ситуации, проведенное проектом TIES (Integration of the European Second Generation)¹², показало, что большое число турецких и марокканских выпускников, получивших высшее образование, добились этого несмотря на провал во время школьных курсов, дающих возможность на поступле-

ние; им приходилось добиваться поступления в ВУЗ не напрямую, а через другие курсы. Тезис об избирательном подходе подкрепляется также исследованием единых средних школ в Германии и Великобритании. Единая школа (comprehensive school) — это государственная школа, в которую поступающие принимаются без отборочных экзаменов; это может быть как начальная школа, так и средняя. Общая тенденция заключается в том, что мигранты учатся в таких школах гораздо лучше и добиваются в рамках подобной системы более высоких результатов. Специально исследовавший этот вопрос Ф. Хекманн отмечает: «Можно с уверенностью заявить, что единые школы демонстрируют эффективность в повышении образовательных перспектив для мигрантских студентов, они также позволяют противостоять избирательности на раннем этапе» [Heckmann 2008: 3]. Таким образом, единые школы являются хорошим инструментом интеграции, и в ОФС показано, что в некоторых городах муниципальные власти начинают уделять этому вопросу повышенное внимание.

Другую проблему, выявленную в социологических исследованиях, представляет существование низкого уровня ожидания со стороны учителей по отношению к детям мигрантов. Ученики, как правило, отвечают на ожидания учителей, и очень часто специфика ожиданий обусловлена этническими и религиозными факторами. Рассмотрим некоторые примеры. Информант из Марселя сообщает: «Два года назад у меня был одноклассник. Его отец был каменщиком, и учитель знал об этом. Посмотрев на руки ребенка, учитель сказал: да, у тебя определенно руки каменщика!». В другом примере девушка хотела получить третью степень знания немецкого, но учитель посоветовал ей не беспокоиться, поскольку второй степени, по его мнению, вполне достаточно для турчанки. В Германии около половины представителей фокус-группы смогли привести похожие случаи низкого ожидания. Во Франции 39 % родителей, имеющих североафриканское происхождение, считают рекомендации учителей по поводу дальнейшего образования их детей сомнительными. Скептицизм такого же рода был обнаружен и в Гамбурге. Как уже отмечалось, низкий уровень ожидания ведет к избирательному подходу, который напрямую связан с образовательными возможностями и дальнейшим положением на рынке труда. Хорошей иллюстрацией здесь является эксперимент, проведенный в Нидерландах: перед тем как ученики начали сдавать экзамены в среднюю школу, их учителей попросили подготовить

¹¹ Информация выложена на сайте Амстердамского исследовательского и статистического департамента: <http://www.os.amsterdam.nl/feitenencijfers/>

¹² Сайт проекта TIES: <http://www.tiesproject.eu/>

рекомендации, касающиеся специфики дальнейшего образования; после сдачи экзамена оказалось, что рекомендации для представителей этнических меньшинств (в отличие от рекомендаций для голландцев) значительно занижены в сравнении с их реальными показателями на экзамене.

Низкий уровень ожидания, избирательность, а также объективные социально-экономические условия способствуют скоплению детей иммигрантов в ряде школ, что фактически обозначает сегрегацию этих школ. Уровень образования в таких школах, как правило, ниже, чем в обычных. Дискуссии в фокус-группах показали, что родители всерьез озабочены проблемой сегрегации в образовании: они считают, что школы с большим числом иммигрантов дают плохое образование и пользуются меньшей поддержкой со стороны властей. В ряде городов были приняты меры по борьбе с сегрегацией. В Великобритании в 2006 году был введен «Акт экспертизы образования», понуждающий руководство поддерживать тесные связи с другими школами. В Лестере для повышения уровня взаимодействия между учениками из разных этнических и религиозных сообществ были созданы специальные группы, в которых ученики могли бы встречаться и проводить время. В Антверпене был принят «Декрет о равных перспективах в образовании», который ограничил права школ по отказу детям в приеме и разрешил переводить детей в другие школы в случае, если в данной школе число представителей этнических меньшинств превышает средний показатель по городу в 10%. Но несмотря на целый ряд мер по решению проблемы сегрегации, этот вопрос, как показывает ОФС, все еще является острым. Например, в Антверпене засвидетельствованы многочисленные случаи создания косвенных барьеров против зачисления в школу: руководство школы может запугивать родителей тем, что в школе тяжелый учебный план, который не смогут освоить их дети, что школа не проявляет должного внимания этническим и религиозным особенностям поведения, что школьная униформа

является дорогой, а экскурсии затратными, и т.д.

Ко всем упомянутым видам притеснения добавляются примеры прямой дискриминации по религиозному признаку. В рамках ОФС показано, что уровень такой дискриминации не слишком велик: лишь 6% опрошенных отметили, что за последние 12 месяцев они хотя бы раз подвергались религиозной дискриминации в школе. Но результаты между странами распределены неравномерно. Самая тяжелая ситуация, по видимому, имеет место в Германии. Большинство жалоб, полученных ассоциацией по предотвращению дискриминации в Берлине (Anti Discrimination Network Berlin, ADNB), были связаны с системой образования. Почти все участники фокус-группы в Берлине подтвердили существование высокого уровня дискриминации, обусловленного высокомерием и стереотипным мышлением учителей. Один из представителей фокус-группы в Антверпене упомянул примечательный случай: его сын Усама прибежал домой в слезах; как оказалось, учитель во время урока заявил, что он чувствовал бы себя униженным, если бы имел имя «Усама»! Несмотря на то, что подобные истории нередки, авторы ОФС отмечают наличие положительных тенденций, свидетельствующих об уменьшении уровня дискриминации. В целом к дискриминации склонны взрослые и консервативные учителя, которые не успевают за быстро меняющимся мультикультурным обществом. Молодые участники фокус-групп, недавно закончившие школы, высказывали в целом более позитивную характеристику ситуации. Отчасти, возможно, это также связано с введением в ряде городов специальных мер, в том числе тренингов для учителей, по предотвращению дискриминации.

4.4. Отношение к идентичности. Степень уважения со стороны школы к самоидентификации человека и ценностям его социальной группы напрямую влияет на образовательный процесс. Во всех исследованных городах ведется работа по развитию терпимости к культурному бэкграунду учеников и студентов, являющихся предста-

Таблица 5.
Результаты опроса «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» [МІЕ 2010: 103]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Слишком много	2,9%	7,7%	5,3%
Как следует	48,9%	49,7%	49,3%
Слишком мало	31,9%	15,2%	23,6%
Не знаю	16,3%	27,4%	21,8%
Число респондентов	1110	1088	2198

вителями этнических меньшинств. В табл. 5 даны результаты опроса, проведенного сотрудниками Фонда Сороса. Как видно, большинство респондентов отметили, что в школах с достаточным уважением относятся к различным религиозным традициям. При этом мусульмане чаще отмечали, что делается «слишком мало», а немусульмане — что делается «слишком много». Так, например, предоставление отгулов во время исламских праздников, практикуемое в Берлине, обычно одобрялось первыми и критиковалось вторыми.

В некоторых городах засвидетельствовано стремление к широкому признанию исламской религиозной идентичности, а также отмечено введение просветительских материалов, касающихся ислама, в образовательную программу. В Берлине уполномоченный по интеграции потребовал широкого признания того вклада, который был внесен иммигрантами и мусульманскими сообществами в немецкую и европейскую культуру. В Лестере муниципальный совет принял активное участие в подготовке Агентством по развитию и поддержке школ (SDSA) специального образовательного материала, касающегося ислама и образа жизни мусульман. Аналогичные инициативы отмечены в Амстердаме и Антверпене. Стоит сказать, что школы по-прежнему принимают самостоятельные решения, касающиеся удовлетворения религиозных потребностей учащихся. В фокус-группах родители отмечали, что отсутствие единой политики или хотя бы минимальных стандартов, связанных с обеспечением религиозной практики, почти не оставляет им вариантов при выборе школы для своего ребенка; это, безусловно, является одним из факторов развития сегрегации.

Во всех городах по-прежнему дискуссионным является вопрос о ношении хиджаба ученицами и педагогами. В ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги. Так, половина немусульманских участников фокус-группы в Берлине раскритиковали запрет на ношение хиджаба педагогами, увидев в этом проявление ксенофобии и неполиткорректности. Но в целом в обществе имеет место неодобрительное отношение к ношению платков. Большинство мусульманских респондентов Берлина утверждали, что традиции мусульман не уважают. Одна из респонденток рассказала следующую историю: «В средней школе у нас был учитель, который отличался крайней ксенофобией. Особенно плохо он относился к девочкам в платках, говоря им, что они должны одеваться как немки и адаптироваться» [Berlin 2010: 75]. В Роттердаме мать одной из школьниц рассказа-

ла следующую историю: «Моей дочери пришлось сменить четыре школы из-за того, что она носит платок. Куда бы она ни приходила, ей говорили, что это в принципе допустимо, но директор против этого» [Rotterdam 2010: 76]. Подобные истории в изобилии представлены в отчетах по отдельным городам.

4.5. Выводы. Образовательные успехи этнических меньшинств неоднозначны. В целом у них более низкий уровень образования, чем у представителей доминирующего этноса. Причины сложившейся ситуации многочисленны, но ключевым, по-видимому, является социально-экономический фактор. Имеются свидетельства того, что для мусульман религия играет стимулирующую роль в процессе образования. Во всех городах возрастает понимание роли дошкольного образования в дальнейшем образовательном и интеграционном процессе. Приняты меры для более широкой поддержки дошкольного образования. Также приняты меры против прямой и непрямой сегрегации детей мигрантов. Среди родителей (мусульмане и немусульмане) имеется запрос на этнически смешанные школы, которые позволили бы преодолеть притеснения и сегрегацию. Несмотря на развитие ряда инициатив, ситуация в целом остается сложной. Представители этнических меньшинств продолжают страдать от расизма и дискриминации в их многообразных формах (избирательный подход, низкий уровень ожидания, непризнание идентичности, отсутствие условий для религиозной практики и т. д.). Требуются более широкие меры в подготовке учителей, а также, возможно, унификация политических стандартов по этому вопросу.

5. Рынок труда

5.0. Занятость на рынке труда составляет ядро экономической интеграции, которая, в свою очередь, является условием социальной интеграции. В пункте 3 «Общих базовых принципов» подчеркивается эта фундаментальная роль занятости: «Трудовая занятость — это ключевой элемент интеграционного процесса». Стоит отметить, что экономическая интеграция подразумевает не только наличие возможностей для трудоустройства, но и доступность общих и наиболее распространенных видов деятельности; иначе говоря, она подразумевает отсутствие жесткой сегментации и сегрегации на рынке труда: для этнических и религиозных меньшинств должны быть доступны те же виды работ, что и для большинства граждан, разумеется, с учетом личных навыков и профессиональной квалификации. Несмотря на заяв-

ленные принципы, на европейском рынке труда, как будет показано ниже, по-прежнему встречаются многочисленные виды дискриминации по этническому и религиозному признаку.

5.1. Активность на рынке труда. Существуют несколько критериев для оценки степени активности на рынке труда: уровень экономической активности, уровень занятости и уровень безработицы. Как и в случае с образованием, статистические материалы по рынку труда чаще всего не учитывают религиозный признак, но берут в расчет этническую идентичность; такие материалы позволяют составить лишь общее представление о положении мусульманских меньшинств. Крупное исследование по проблеме активности этнических меньшинств проведено в 2008 году Институтом исследования труда (Institute for the Study of Labour); был собран материал по Бельгии, Дании и Великобритании. Из подготовленного отчета следует, что уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств (турки, марокканцы, иракцы, пакистанцы и бенгальцы) ниже среднего. Авторы заключают, что этнические меньшинства «характеризуются в целом

значительно более высоким уровнем безработицы, низким доходом, и им тяжелее найти работу и удержаться на ней, чем доминирующему этническому большинству» [Zimmerman et al. 2008: 11]. Данные об экономической активности, уровне безработицы и средней зарплате приведены в табл. 6.

Уровень безработицы среди мусульман обычно существенно выше среднего по стране. Как видно из табл. 6, уровень безработицы среди турок, иракцев, боснийцев и других этнических меньшинств в 3–5 раз выше в сравнении с местным населением. В Нидерландах турки и марокканцы страдают от безработицы в 3 раза чаще, чем средний гражданин. В Бельгии уровень безработицы среди марокканцев и турок составляет 38%, что более чем в 5 раз выше общенационального показателя. В некоторых землях Германии общий уровень безработицы среди молодых мусульман доходит до 30%, а безработица в таких «турецких» районах Берлина, как Фридрихсхайн и Кройцберг, достигает 41%. Также имеются свидетельства о том, что этнические меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам.

Таблица 6.
Положение некоторых этнических меньшинств на рынке труда
[Zimmerman et al. 2008: 15]

Страна	Этническая группа	Уровень экономической активности	Уровень безработицы	Часовая зарплата
Бельгия	Коренные бельгийцы	65	–	–
	Новые бельгийцы	52	–	–
	Турки	29	–	–
	Марокканцы	29	–	–
Дания	В целом по стране	76,3	4,5	278,3 (крона)
	Турки	62,2	17,8	170,7
	Иракцы	37,7	26,9	138,4
	Боснийцы	57,2	12,9	177,4
	Другие иммигранты	55,8	28	164,8
Нидерланды	Голландцы	78	9	10,4 (евро)
	Турки	53	21	7,1
	Марокканцы	51	27	6,9
Великобритания	Белое большинство	81,8	3,8	11,8 (фунт)
	Пакистанцы	55,2	12,8	10,2
	Бенгальцы	48,7	19,4	10,1

В период кризиса 2008–2009 годов нидерландские мигранты в два раза чаще коренных голландцев заключали «гибкие контракты» с работодателями, которые не гарантируют наличия рабочих часов и оплаты. В Бельгии в этот же период рост безработицы среди турок и марокканцев был в три раза выше, чем среди коренных бельгийцев. Несмотря на столь сложную ситуацию, в ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги в этой области. Например, в Нидерландах средний уровень безработицы среди иммигрантов упал за 10 лет в два раза: в 1997 году он составлял 20%, а в 2007–10% (что, тем не менее, в 2,5 раза выше, чем средний показатель по стране). В Бельгии отмечен некоторый успех в преодолении длительной безработицы среди марокканцев и турок: в 2003 году она составляла 61%, а в 2007 году — уже 46%.

Другой проблемой является низкая оплата труда иммигрантов. Собранные материалы (см. также Таблицу 6) показывают, что почасовая оплата труда иммигрантов ниже, чем у большинства населения. Следствием низкой оплаты является то, что бедность распространена среди мусульман значительно больше. В Бельгии доля населения, живущего за чертой бедности, составляет среди этнических бельгийцев 10%, в то время как среди марокканцев — 56%, а среди турок — 59%! В Амстердаме 32% турецких семей и 37% марокканских семей имели в 2006 году доход, не превышающий прожиточный минимум, в то время как среди голландцев этот показатель составил 13%. Согласно британским отчетам, уровень бедности высок среди пакистанцев (67%) и бенгальцев (55%). Примечательно, что из этих отчетов также следует, что даже среди работающих семей примерно 60% пакистанцев и 40% бенгальцев живут в бедности, в то время как для британцев эти цифры составляют 10–15% [Kenway, Palmer 2007]. Таким образом, безработица не выступает главной причиной бедности среди этнических меньшинств; таковой причиной является низкая оплата труда.

5.2. Квалификация. В качестве основной причины неблагоприятного положения этнических меньшинств обычно указывается низкий уровень образования и квалификации. Известно, что многие мусульмане приезжают в Европу для выполнения неквалифицированной или низкоквалифицированной работы. Данные из Амстердама (район Слотерваарт) свидетельствуют о том, что безработица напрямую связана с низким уровнем образования: из 1789 людей, искавших работу в 2007 году, 1181 не имели базовой квалификации; в противоположность этому, отчет за 2008 год показыва-

ет, что уровень занятости среди высококвалифицированных турок и марокканцев (80%) близок к уровню образованных голландцев (85%). Другой причиной безработицы, как свидетельствуют материалы из Гамбурга, являются структурные изменения на рынке труда, приведшие к уменьшению низкоквалифицированных вакансий. Несмотря на строгую корреляцию между низкой квалификацией и безработицей, в результате исследования Фонда Сороса выяснилось, что позиции низкоквалифицированных мусульман значительно хуже, чем позиции низкоквалифицированных немусульман. Таким образом, при оценке положения мусульман должны учитываться дополнительные факторы. Полученные в рамках ОФС данные по 11 городам представлены в *табл. 7* (мусульмане) и *табл. 8* (немусульмане).

Из сравнения двух таблиц, а также на основе остальных материалов, собранных специалистами из Фонда Сороса, можно сделать следующие важные замечания:

— мусульмане в три раза чаще являются безработными, чем немусульмане; среди мусульман 19,8% безработных, в то время как среди немусульман — 6,8%.

— 64,8% мусульман, закончивших университет, занимают профессиональные позиции, среди немусульман эта цифра выше — 85,3%; следовательно, немусульмане в 1,6 раз чаще занимают высокопрофессиональные позиции, при этом распределение профессий среднего и низкого уровней между мусульманами и немусульманами является примерно одинаковым.

— 55,5% мусульманских мужчин задействованы в низкоквалифицированных областях с низкой оплатой.

— немусульмане в 2,3 раза чаще заняты в современных профессиональных областях: 22,4% немусульман в сравнении с 9,9% мусульман.

— из 72,1% работающих мусульманских женщин значительная часть занята в офисной работе (21,4%), в рутинной ручной работе и сфере обслуживания (17,8%), современной профессиональной области (15%), а также в полупрофессиональной работе (12%); лишь 1,8% являются менеджерами среднего звена и лишь 1,3% являются главными менеджерами.

— безработных среди мусульман, рожденных в государстве ЕС, так же много, как и среди мусульман, рожденных за пределами ЕС; при этом безработных среди немусульман, рожденных в ЕС, меньше, чем среди мусульман в целом вне зависимости от места рождения.

Таблица 7.
Квалификация мусульман и их положение на рынке труда [MIE 2010: 278]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	38,5 %	20,9 %	21,1 %	9,6 %	19,8 %
Современные профессии	1	3,5 %	8,9 %	28,8 %	12,4 %
Офисные и вспомогательные	-	4,7 %	19,8 %	13,9 %	14,1 %
Ст. менеджер или администратор	1 %	-	1,8 %	6,4 %	2,6 %
Технологические профессии	13,5 %	7,6 %	7,8 %	5 %	7,6 %
Полурутинная работа, сфера услуг	12,5 %	15,1 %	15,4 %	12,8 %	14,4 %
Рутинная работа, сфера услуг	31,7 %	43,6 %	19,6 %	7,8 %	21,5 %
Сред. или младш. менеджер	1,9 %	4,7 %	4,7 %	5,7 %	4,7 %
Традиционные профессии	-	-	0,9 %	10 %	3 %
Число респондентов	104	172	551	281	1108

Таблица 8.
Квалификация немусульман и их положение на рынке труда [MIE 2010: 279]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	41,7 %	13,8 %	7,1 %	3,1 %	6,8 %
Современные профессии	4,2 %	3,8 %	16,9 %	46,2 %	27,1 %
Офисные и вспомогательные	12,5 %	10 %	18,4 %	14,6 %	16,2 %
Ст. менеджер или администратор	-	1,3 %	1,1 %	8,5 %	3,9 %
Технологические профессии	12,5 %	5 %	13 %	1,2 %	7,8 %
Полу-рутинная работа, сфера услуг	12,5 %	20 %	15,9 %	5 %	11,8 %
Рутинная работа, сфера услуг	8,3 %	37,5 %	20,1 %	5,4 %	15,4 %
Сред. или младш. менеджер	-	7,5 %	5,5 %	5,4 %	5,5 %
Традиционные профессии	8,3 %	1,3 %	2 %	10,6 %	5,4 %
Число респондентов	24	80	561	424	1089

При обсуждении проблемы низкого уровня квалификации мусульман в фокус-группах выяснилось, что молодые люди недостаточно хорошо владеют информацией о доступных профессиях. По мнению самих молодых мусульман, список вакансий, на которые они могли бы претендовать, является очень ограниченным. Один из участников немецкой фокус-группы следующим образом комментирует данную ситуацию: «Согласно официальным данным, в Германии имеются 455 профессий, но девушки ориентируются лишь на 5 профессий, чаще всего это медсестра, продавец или парикмахер. Для парней это число также ограничено» [Berlin 2010: 84]. Некоторыми общественными организациями в Берлине принимаются меры по борьбе с данной проблемой. В частности, такими группами, как KUMULUS, ведется просветительская работа: освещаются доступные профессии и указываются конкретные специализированные учреждения, где можно было бы получить диплом о соответствующем профессиональном образовании.

5.3. Дискриминация. Существуют многочисленные свидетельства того, что некоторую роль в плохом положении этнических и религиозных меньшинств на рынке труда играет дискриминация по этническому и религиозному признаку. Если в случае с иммигрантами, имеющими низкую квалификацию, этот феномен выявить сложнее, то в случае с детьми иммигрантов (второе и третье поколение), которые получили хорошее образование и квалификацию, сделать это проще. Специальное исследование, проведенное Хисом и его коллегами, показывает, что образованные дети иммигрантов, родившиеся в ЕС, значительно чаще сталкиваются с безработицей и реже претендуют на хорошие вакансии, чем коренные жители; по мнению авторов, главной причиной является этнический барьер, «в наименее благоприятном положении находятся представители второго поколения турок (Бельгия, Германия и Нидерланды), марокканцев (Бельгия, Франция и Нидерланды), пакистанцев (Великобритания) и суринамцев (Нидерланды)» [Heath et al. 2008: 218].

Наряду с дискриминацией по этническому признаку, отмечены также формы дискриминации по религиозному признаку. Кларк и Дринватер обнаружили «свидетельства более низкого уровня занятости среди мусульман в сравнении с представителями других религий или вообще нерелигиозных людей» [Clarke, Drinkwater 2007: 48]. В другом исследовании отмечается, что «именно религиозность, а не этничность, связана с неблагоприятным положением на рын-

ке труда... При рассмотрении различных религиозных групп внутри этнических меньшинств было обнаружено, что все мусульманские группы находятся в самом неблагоприятном положении с точки зрения занятости, при этом не имеет значения, к какому этническому меньшинству они относятся» [Berthoud, Blekesaune 2007: 76]. Так, например, индийские мусульмане сталкиваются с большими сложностями при трудоустройстве, чем индусы, сикхи или христиане; аналогичным образом пакистанцы и бенгальцы испытывают большие трудности, чем североафриканские христиане. Единственным правдоподобным объяснением данной ситуации является предубеждение работодателей против ислама.

Один из примечательных фактов заключается в том, что при рассмотрении анкеты работодатель обращает внимание на имя соискателя. Эксперименты, проводившиеся еще в 2000 году в Бельгии, Германии и Нидерландах, показали, что шанс получить положительный отзыв (при прочих равных условиях) значительно выше у соискателей с европейскими именами [Zegers de Beijl 2000]. Согласно данным из Франции, выходцы из стран Магриба имеют в 5 раз меньше шансов получить работу, чем французы. В Дании вероятность получения работы колеблется в зависимости от имени: использование турецкого, арабского или пакистанского имени в анкете может иногда способствовать понижению шансов в 32 раза. Участник фокус-группы из Лестера вспомнил ситуацию, при которой ему пришлось повторно проходить собеседование с вымышленным именем, после того, как ему отказали на первом собеседовании, где он использовал свое реальное имя. Как показывают дискуссии в фокус-группах, подобные ситуации нередки.

Интересна оценка уровня дискриминации на рынке труда самими этническими и религиозными меньшинствами. Сложно спрогнозировать точность подобных отчетов, поскольку респонденты могут как преувеличивать, так и недооценивать уровень дискриминации; тем не менее, это один из важных источников для оценки данного параметра. Согласно материалам ОФС из Антверпена, при поиске работы каждый десятый марокканец и турок часто испытывает дискриминацию; при этом 33% марокканцев и 20% турок испытывают дискриминацию «время от времени». Последняя общеевропейская информация по этой проблеме представлена Евробарометром в 2012 году: по мнению 23% опрошенных европейцев (как мусульман, так и немусульман), демонстрация религиозной при-

надлежности на собеседовании существенно снижает шансы на получение работы¹³. Показатель немного уменьшился в сравнении с предыдущими годами. Несмотря на сравнительно небольшие показатели, стоит отметить, что данные по разным странам сильно отличаются: самый высокий процент был получен в Швеции — 61%, далее идут Дания — 51%, Нидерланды — 50%, Бельгия — 48%, Германия — 42%, Франция — 34% [Eurobarometer 2012]; при этом 35% опрошенных менеджеров сказали, что у соискателя значительно снизились бы шансы на получение работы, если бы он упомянул о своей религиозной принадлежности.

Выявление причин дискриминации представляет сложность, что отмечено специалистами Фонда Сороса, которые, комментируя результаты собственных опросов, пишут: «При интерпретации результатов необходимо помнить, что природа дискриминации, с которой сталкиваются мусульмане, специфична; границы между такими характеристиками как этническая идентичность, религия и пол менее точны и стабильны, чем может показаться на первый взгляд. Определить главную причину дискриминации зачастую невозможно, когда человек обладает несколькими признаками, которые могут сделать его объектом дискриминации» [MIE 2010: 125]. Приведем яркое описание, которое хорошо иллюстрирует данный тезис; его сделал один из марсельских респондентов: «Я сталкивался с очень сложными ситуациями. У меня были собеседования по телефону с фирмами, и они проходили очень хорошо. Когда я приходил в офис, выражение лица их представителей менялось. Меня зовут Мусса Саид, у меня арабское имя — и это первая проблема. Я прихожу: оказывается, я черный — и это уже вторая проблема. «К тому же, он еще и мусульманин, и он живет в бедном районе. Мы больше не можем этого терпеть», — так они рассуждают. Я встретил столько преград при поиске работы, что я пообещал себе: когда какая-нибудь организация возьмет меня, я добьюсь самых вершин в ней. Я столько натерпелся, что если будет нужно, я буду работать 65 часов вместо 35, чтобы показать себя своим коллегам. Я это сделаю!» [Marseille 2010: 128]. В наибольшей степени проблема синхронной дискриминации по нескольким признакам затрагивает мусульманских женщин, носящих хиджаб. Эта тема подробно освещена в СМИ и многочисленных исследованиях,

поэтому мы не будем на ней специально останавливаться. Отметим только, что дресс-код, требующий отказа от ношения хиджаба, сейчас стал мейнстримом на европейском рынке труда, что, безусловно, оказывает влияние на уровень экономической активности мусульманских женщин.

5.4. Стимулирование экономической активности. Учитывая сложное положение мусульман на рынке труда, можно сказать, что они нуждаются в особой поддержке со стороны общественных организаций и муниципальных властей. Во всех исследованных городах предпринимаются меры для поднятия экономической активности этнических и религиозных меньшинств. Например, сюда входят меры по повышению доступности рабочих мест для выпускников. В Амстердаме между школами и бизнесом налажена тесная связь. В Марселе аналогичную функцию выполняет проект «Вызов молодежи». В этом городе также развивается проект «Школы, дающие второй шанс»: создаются школы, набирающие людей, которые не смогли получить диплом с первой попытки; в этой инициативе задействованы также 1700 организаций, которые берут старшеклассников к себе на стажировку. Специальные инструктора сопровождают стажеров и следят за их работой; каждый студент находится под надзором супервайзера и с каждым ведутся индивидуальные занятия. Главной задачей проекта является предоставление для иммигрантов опыта непосредственной работы. Из 1600 стажеров, закончивших обучение в период с 1998 по 2006 года, около 66% смогли устроиться на высококвалифицированную работу.

Предпринимаются специальные инициативы и в отношении мусульманского сообщества. В Берлине имамы, которые играют ключевую роль в мусульманском сообществе, обучаются в организации KUMULUS, где их консультируют по поводу образования и вакансий, доступных для молодых мусульман. В Лестере сотрудники агентства Джоб Центр Плюс активно сотрудничают с мечетями и культурными центрами, предоставляя им информацию о рынке труда. Муниципальные власти, которые также могут являться работодателями, принимают активное участие в поддержке иммигрантов. В Берлине была запущена кампания «Берлин нуждается в тебе» («Berlin braucht dich»), в рамках которой привлекаются представители этнических меньшинств для выполнения административной работы; организаторы кампании тесно контактируют с религиозными лидерами, мечетями и культурными центрами. В Гамбурге запущена программа «Мы из Гамбурга! Ты с нами?»

¹³ По мнению 39% опрошенных, этническая принадлежность также является неблагоприятным фактором.

(«Wir sind Hamburg — Bist Du dabei?»), задача которой заключается в привлечении на рынок труда молодых людей иммигрантского происхождения. Таким образом, можно сказать, что ведется большая работа по вовлечению представителей этнических и религиозных меньшинств, и — что самое главное — она ведется сразу по нескольким независимым направлениям.

5.5. Выводы. Уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств ниже среднего. Безработица в их среде в несколько раз выше, чем средняя по стране. Также имеются свидетельства, что меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам. Еще одной проблемой является низкая оплата труда иммигрантов, именно низкая оплата труда выступает главной причиной бедности этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в целом отличаются низким уровнем квалификации, что обуславливает их задействованность на неквалифицированных работах. Они сталкиваются с многочисленными видами дискриминации на рынке труда: прежде всего, это дискриминация на этнической почве, но сама по себе принадлежность к исламу также значительно снижает шансы на получение работы. Мусульманские женщины страдают от распространенных дресс-кодов, что способствует снижению их экономической активности, которая и без того является низкой. Несмотря на сложную ситуацию, на всех уровнях действуют инициативы по активизации этнорелигиозных меньшинств на рынке труда и по борьбе с дискриминацией. При сравнении современного состояния с ситуацией 10-летней давности можно сказать, что эти инициативы уже дают первые плоды.

6. Жилищные условия и общественная безопасность

6.0. В данном разделе будут рассмотрены жилищные условия мусульманского населения и степень социальной защищенности. Для понимания специфики жилищных условий необходимо проанализировать модели расселения иммигрантов; также имеет важность общее качество жилищных условий и возможные формы дискриминации, с которыми сталкиваются представители этнических и религиозных меньшинств. Отдельно будут рассмотрены предпринимаемые социально-политические меры для создания этнически смешанных районов. С проблемой расселения иммигрантов тесно связан вопрос о социальной защищенности. Чувство безопасности является важным аспектом общественной интеграции. Но мусульмане проживают преимуще-

ственно в неблагополучных районах и риск здесь особенно велик. Для понимания уровня социальной защищенности мусульман в данном разделе будут также рассмотрены отношения этнических меньшинств с полицией и встречающиеся в этой сфере формы дискриминации.

6.1. Модели расселения и сегрегация. Специфическое расселение мусульман в европейских городах — это результат целого комплекса процессов. Изначально мусульмане прибывали в Западную Европу в качестве рабочих мигрантов для выполнения низкоквалифицированного труда. Модели их расселения формировались под влиянием индустриальной структуры принимающего города. С приездом семей встал вопрос о доступности жилья. Модель расселения мусульман, прибывших в статусе беженцев, зависела также от соответствующих государственных программ. В большинстве случаев все эти факторы привели к тому, что этнические и религиозные меньшинства, во-первых, сосредоточены в крупных городах, а во-вторых, формируют отдельные городские районы. Так, в Нидерландах 36% турок и 47% марокканцев живут в четырех крупных городах (Амстердам, Роттердам, Утрехт, Гаага). В Великобритании около 38% мусульман проживают в Лондоне. В Дании 2/3 этнических меньшинств проживают в крупных городах. Несколько выпадает из общей модели Германия, где мусульмане более или менее рассредоточены по стране (точнее, по территории бывшей ФРГ) и не связаны только с крупными городами; вероятно, это объясняется структурой немецкой промышленности, которая также распределена между небольшими и средними городами. Исследование показало, что в больших и средних городах из 1810 районов только в 11 доля турок превышает 20%, при этом в 121 районе их доля составляет 10–20%; отсюда следует, что в подавляющем большинстве районов показатель ниже 10% [Schonwalder, Sohn 2009: 1446].

Одной из главных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации, и вообще концентрация меньшинств в малоимущих округах. Тип района, в котором проживает человек, оказывает влияние на его социальную и экономическую интеграцию: отсутствие связей, необходимых для поиска работы, вовлечение молодых людей в преступную деятельность, отрицательная репутация бедных районов среди работодателей — все эти факторы способствуют снижению экономической активности. Из материалов ОФС следует, что значительная часть мусульманского населения проживает в малоиму-

Таблица 9.
Степень этнического и религиозного многообразия [MIE 2010: 133]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
В основном родственники	4,2%	2,7%	3,5%
В основном люди того же этноса и той же религии	16%	5,2%	10,7%
В основном люди той же религии, но другой национальности	9,6%	1,9%	5,8%
В основном людей того же этноса, но другой религии	2,6%	2,3%	2,5%
В основном люди другого этноса и другой религии	11,1%	14,6%	12,8%
Смешение различных этносов и религий	56,4%	73,3%	64,8%
Число респондентов	1109	1088	2197

щих округах. В Великобритании треть мусульман проживают в бедных районах. В Дании половина незападных этнических меньшинств живут в малоимущих округах, при этом 25% живут в бедных районах (в сравнении с 3,6% датчан). Нужно отметить, что существуют и некоторые плюсы проживания в районе с большой концентрацией представителей одного этноса: это помогает сохранить этническую и культурную идентичность, ощущается интегрированность хотя бы в рамках своего меньшинства, имеется возможность положиться на тесные социальные связи, и т.д. Так, в Берлине очень сильна связь иммигрантов с отдельными округами и соответствующей «районной культурой», *Kreuz kultur*. Даже после улучшения социально-экономического статуса наблюдается низкий уровень «эмиграции» из таких районов. В ОФС отмечается следующий положительный момент: очень часто успешно интегрированный во внешнее общество представитель «районной культуры» склонен вкладывать средства в улучшение социально-экономического положения в родном округе.

В европейских странах сегрегация этнорелигиозных меньшинств вызывает беспокойство на муниципальном и государственном уровнях. Голландское правительство считает, что концентрация этнорелигиозных меньшинств в отдельно взятом районе подрывает естественный процесс интеграции: «Концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для интеграции, поскольку она приводит к аккумуляции социальных проблем, которые способствуют становлению неуправляемого состояния... Концентрация также невыгодна, потому что она делает этнические границы более

заметными. Это вредит образу этнических меньшинств... Наконец, концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для взаимодействия и контактов между персонами из разных этнических групп; уменьшение числа контактов с коренными голландцами косвенно влияет на социальные возможности этнических меньшинств» [Bolt et al.: 1360]. В предвыборном манифесте Христианско-демократического союза Германии также выражается беспокойство по этому поводу: «Формирование гетто, развитие параллельных обществ, а также частое умышленное отделение иммигрантской молодежи от немецкого социума, представляют тревожные сигналы, затрагивающие социальный порядок в стране». В Гамбургском плане действий по интеграции (ННАР) подчеркивается, что сегрегация мешает межэтническому и межрелигиозному диалогу, а также создает «параллельные общества». Это только некоторые примеры озбоченности европейских властей проблемой сегрегации. Конкретные меры по борьбе с данной проблемой будут рассмотрены ниже.

6.2. Этническое и религиозное многообразие. Уровень этнического и религиозного многообразия территорий, на которых проживают мусульмане, оценивался исследователями Фонда Сороса на основе нескольких проведенных опросов. Результаты одного из опросов представлены в табл. 9. Данный опрос касается окрестностей (neighbourhood), которые нужно отличать от округов (local area); под «окрестностью» в ОФС понимается непосредственная улица проживания и соседние дома. У респондентов спрашивали об этническом и религиозном многообразии в районе их проживания.

Результаты опроса показывают, что мусульмане почти в два раза чаще живут рядом со своими родственниками (4,2 % vs. 2,7 %). Они более чем в 3 раза чаще проживают в районах с преобладающим этническим или религиозным меньшинством (16 % vs. 5,2 %), а также в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии (9,6 % vs. 1,9 %). При этом большинство мусульман проживают в окрестностях со смешанным населением (56,4 %). Таким образом, если сравнивать с коренными жителями, то мусульмане чаще проживают в районах доминирования того или иного меньшинства, реже живут в районах со смешанным населением (56,4 % vs. 73,3 %), но в целом значительная часть из них проживает именно в смешанных районах. Отсюда можно заключить, что ситуация с сегрегацией не такая удручающая, какой ее иногда представляют. Сегрегация составляет проблему примерно для четверти мусульманского населения. Стоит отметить, что опросы Фонда Сороса проводились в районах с высоким числом мусульман, что, возможно, также оказало некоторое влияние на результаты.

Один из опросов Фонда Сороса касался степени удовлетворенности районом проживания. Его результаты даны в *табл. 10*. Как мы видим из таблицы, 93 % респондентов высказались положительно о районе проживания и лишь 8 % высказались отрицательно. Мусульмане чуть менее позитивно настроены в отношении своего района, но с точки зрения общей картины различие можно признать несущественным.

Важным выводом, сделанным в рамках ОФС, следует признать то, что мусульмане в целом выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации. При анализе фокус-групп выяснилось, что мусульмане считают этническое и религиозное многообразие залогом сохранения собственной идентичности, а также способом предотвращения дискриминации. Важно, что под «этническим многообразием» здесь подразумевается, прежде всего, проживание рядом с коренными жителями и гражданами принимающей страны. Легко понять, что «этни-

ческое многообразие», которое исключает коренных жителей данной страны, является ничем иным, как более изощренной формой сегрегации. Проживание рядом с коренными жителями подтягивает уровень экономической, социальной, политической активности этнических меньшинств до уровня полноценных граждан данного государства.

В ряде городов проводятся мероприятия по борьбе с сегрегацией. В Копенгагене в рамках муниципальной политики интеграции принимаются меры по повышению уровня занятости среди жителей неблагополучных районов, а также по более широкому предоставлению доступного жилья. В Гамбургском плане действий по интеграции важное место занимает улучшение качества жилья и общей репутации бедных районов; это делается с целью привлечения более состоятельных семей и формирования «сбалансированных округов». Авторы ОФС следующим образом характеризуют подобные программы: «Программы включают снос, улучшение или продажу муниципального и арендуемого жилья, а также конструкцию нового дорогого жилья для собственников. Данные усилия приводят к большей вариативности в размерах жилья, в его форме, качестве, цене; они также приводят к увеличению числа собственников в границах определенного района»; но при этом отмечается, что «изменение состава жителей и, следовательно, изменение этнических характеристик района не обязательно ведет к более позитивным взаимодействиям. Причиной этому служат базовые различия между жильцами, включающие образ жизни, доход, возраст, образование и состав семьи. Социальное смешение, в действительности, может вести к формам негативного взаимодействия, то есть к конфликтам» [MIE 2010: 148–149]. В другой работе делаются похожие выводы: «Существующие исследования, касающиеся стигматизирования многообразия, не подтверждают оптимизма по поводу социального взаимодействия между этническими группами, не говоря уже о возможностях для социальной мобильности».

Таблица 10.
Удовлетворенность районом проживания [MIE 2010: 146]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью доволен	50 %	60 %	55 %
До некоторой степени	40 %	34 %	37 %
Недоволен	9,9 %	6 %	8 %
Число респондентов	1107	1085	2192

ти, которые должны возникнуть из этого. Более того, идея о том, что люди с более высоким социальным статусом могут играть позитивную роль образца для подражания, является слишком высокомерной, и она базируется на безосновательных допущениях по поводу ценностных различий между этническими и социально-экономическими категориями» [Bolt et al. 2008]. Наконец, исследование конкретной инициативы, предпринятой в округе Трансвааль в Амстердаме, показало, что результаты подобных проектов далеки от ожидаемых: «Дифференциация привела к принудительному совместному проживанию благополучных голландцев и малоимущих иммигрантов. Новоприбывшие попытались установить тесные контакты с другими жителями на улице, но, несмотря на многие инициативы, взаимодействия среди жителей, как правило, ограничивались соседскими контактами. Новоприбывшие стали вести себя замкнуто после того, как увидели, что контакты с жителями других этнических групп представляют сложность и что многие инициативы не приводят к результату» [Smets, den Uyl 2008: 1456].

Как показано авторами ОФС, в фокус-группах преобладает мнение о том, что мероприятия по борьбе с сегрегацией фактически ведут к вытеснению этнических меньшинств. Так, в Берлине отмечена озабоченность респондентов тем, что имеет место процесс джентрификации, который способствует вытеснению арендаторов более состоятельными собственниками. Один из респондентов заметил: «Поскольку многие люди в этом округе проживают в условиях бедности, важно, чтобы общественная поддержка через дешевую аренду не сокращалась, но наоборот расширялась для борьбы с джентрификацией и предупреждения социальной маргинализации и сегрегации» [Berlin 2010: 110]. В Гамбурге также распространено мнение о том, что органы местной власти обеспечивают повышение ренты, чтобы вытеснить мигрантов с рынка муниципального жилья и ввести туда коренных немцев. Однако в некоторых фокус-группах высказывались и более позитивные оценки новых муниципальных проектов. Например, в Антверпене было отмечено, что эти программы привели к реальным изменениям в этническом составе округов. Таким образом, предпринимаемые муниципальные мероприятия по борьбе с сегрегацией являются, по меньшей мере, неоднозначными, и они еще требуют усовершенствования.

6.3. Условия проживания и доступность жилья. Общая тенденция заключается в том, что

мусульмане проживают в плохих жилищных условиях (перенаселенность, низкая оснащенность, плохое расположение), платят более высокую ренту и испытывают разнообразные формы дискриминации. Однако в рамках ОФС показано, что все это не способствует созданию радикального разрыва между мусульманами и коренными гражданами. Так, в результате опроса, касающегося формы владения жильем, выяснилось, что, в сравнении с коренными жителями, мусульмане несколько реже имеют собственное жилье (18% vs. 24%), но примерно в таком же количестве выступают арендаторами жилья. По целому ряду иных критериев результаты также являются сопоставимыми (см. табл. 11)¹⁴.

Другой опрос касался степени удовлетворенности муниципальным жильем. Результаты даны в табл. 12.

Результаты показывают, что мусульмане в целом чаще довольны муниципальным жильем, чем немусульмане; однако общий уровень неудовлетворенности довольно высок, и он сопоставим с общим уровнем удовлетворенности (27% vs. 31%). Данные выводы соответствуют результатам целого ряда общеевропейских исследований по жилищному вопросу. Так, из «Обзора восприятия качества жизни» 2007 года, подготовленного Европейской комиссией и затрагивающего 75 европейских городов, следует, что в Париже, Стокгольме, Марселе, Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Антверпене и Роттердаме более 70% жителей считают невозможным найти доступное и хорошее жилье. Сложное положение на рынке жилья отмечено также в отчетах Фонда Сороса по отдельным городам.

Мусульмане сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья. Согласно материалам ОФС, с дискриминацией в этой области за последние 12 месяцев хотя бы раз столкнулись 7,4% мусульман, что в 6,5 раз больше показателя среди немусульман. При этом национальность мусульманина и место его рождения не влияют на показатели, так что можно заключить, что мы имеем дело с дискриминацией именно по религиозному признаку. Наиболее распространенной формой дискриминации, согласно данным из фокус-групп, является отказ в сдаче жилья после того, как стало известно, что потенциальный арендатор имеет арабское имя или является представителем иной расы. Респонденты приводили следую-

¹⁴ Стоит отметить, что материалы Фонда Сороса являются более позитивными, чем официальная статистика и результаты других исследований.

щие примеры: «Собственник жилья увидел меня и сразу сделал замечания о терроризме и насилии», «Мне было отказано в съеме жилья из-за того, что моя жена была в хиджабе», «Собственник спросил меня об исповедуемой религии и затем стал придумывать отговорки» и т.д. Материалы ОФС согласуются с другими исследованиями. Так, согласно опросу Центра турецких исследований в Германии, 15% турок регулярно сталкиваются с дискриминацией на рынке жилья. В результате опроса датских этнических меньшинств выяснилось, что 27% респондентов сталкивались с дискриминацией в этой области. Существование дискриминации в Дании также отмечалось в исследовании Европейской комиссии по расизму и нетерпимости.

6.4. Преступность и доверие к полиции. Как известно, низкий уровень социальной защищенности ведет к постоянному страху и стремлению удалиться от общественной жизни; это вдвойне применимо к уязвимым социальным группам, сформированным по этническому, религиозному или иному признаку, слабая защищенность кото-

рых ведет к сплочению и, в конечном счете, к сегрегации. Следовательно, на пути к интеграции важно обеспечить полную защищенность потенциально уязвимых групп. Как следует из ОФС, в данный момент европейские власти более или менее справляются с этим. Из всех опрошенных около 15% респондентов были жертвами преступлений в течение последнего года; при этом немусульманские респонденты почти в два раза чаще (20%) являлись жертвами преступлений, чем мусульманские респонденты (11%). Около 23% из тех мусульман, которые были жертвами насилия, интерпретировали это как «преступление на почве ненависти (расовой, религиозной и др.)»; то же самое относится к 17% немусульман. Однако более значительное различие обнаруживается в том, сколько людей обратились в полицию по поводу такого рода преступлений: среди немусульман это 59%, а среди мусульман — лишь 36%. Можно сделать вывод, что требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти, и в связи с этим уже были предпри-

Таблица 11.
Статус жилья [MIE 2010: 140]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Собственность	8,3%	11,5%	9,9%
Собственность (ипотека)	9,7%	12,4%	11,1%
Частичная рента, частичная ипотека.	1,7%	1,1%	1,4%
Аренда муниципального жилья	36,8%	26,5%	31,7%
Аренда частного жилья	19,9%	29,3%	24,6%
Проживание с родственниками	20,4%	11,8%	16,1%
Бесплатное жилье	1,4%	1,7%	1,5%
Сквоттинг	0,1%	0,5%	0,3%
Другое	1,8%	5,2%	3,5%
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 12.
Удовлетворенность муниципальным жильем [MIE 2010: 141]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	6,6%	3,9%	5,2%
В целом доволен	27,7%	23,9%	25,8%
Нейтральное отношение	18,2%	14,6%	16,4%
В целом недоволен	17,4%	16,5%	17%
Крайне недоволен	10,8%	9,2%	10%
Не знаю	19,2%	31,9%	25,5%
Число респондентов	1107	1087	2194

Таблица 13.
Уровень доверия к полиции [MIE 2010: 171]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	14,1 %	12,9 %	13,5 %
Довольно высокий	41,3 %	47,2 %	44,2 %
Недостаточный	33,7 %	28,5 %	31,1 %
Отсутствие доверия	8,6 %	9,6 %	9,1 %
Не знаю	2,3 %	1,9 %	2,1 %
Число респондентов	1109	1088	2197

няты некоторые инициативы. Так, в Копенгагене городской совет создал веб-сайт, посвященный преступлениям на почве ненависти; на этом сайте члены этнических, религиозных и др. меньшинств могут регистрировать подобные происшествия. Аналогичные меры были предприняты и в ряде других городов.

Уровень доверия к полиции зависит от целой совокупности факторов. Анализ материалов Европейского социального обзора (European Social Survey) показывает, что уровень доверия варьируется в различных европейских странах, и в целом «взрослые люди, по-видимому, больше доверяют полиции, чем молодежь, и женщины больше доверяют полиции, чем мужчины; работающие дома люди больше доверяют полиции, чем занятые в других областях, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу» [Kaariainen 2007: 424]. Что касается этнических и религиозных меньшинств, то здесь ситуация довольно благоприятная. Как правило, их представители доверяют полиции либо на том же уровне, что и рядовые граждане, либо даже в большей степени. Результаты опроса Фонда Сороса по данной тематике даны в табл. 13.

Как видно из результатов, уровень доверия к полиции среди мусульман и немусульман явля-

ется примерно одинаковым (55,4 % vs. 60,1 %); то же самое можно сказать и о степени недоверия к полиции (10,9 % vs. 11,5 %). В опросах Фонда Сороса также получила подтверждение тенденция, отмеченная в других исследованиях: женщины больше доверяют полиции, чем мужчины, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу. При этом нет существенной разницы между мусульманским и немусульманским населением. Интересно, что в некоторых городах уровень доверия к полиции среди мусульман оказался значительно выше, чем среди немусульман. При обсуждении данной проблемы в фокус-группе Гамбурга выяснилось, что большее доверие к полиции со стороны иммигрантов связано с тем, что иммигранты имеют отрицательный опыт контакта с полицией в родной стране, и при сравнении этого опыта с тем, что они получили в Германии, действия немецкой полиции, разумеется, оцениваются ими как заслуживающие доверия. Мусульманский респондент комментирует ситуацию следующим образом: «Большинство имеют мигрантское происхождение и в их родной стране они, на самом деле, не испытывали доверия к полиции. Поэтому у них формируется позитивное отношение к немецким полицейским». Этот вывод согласуется с результатами, согласно кото-

Таблица 14.
Удовлетворенность действиями полиции [MIE 2010: 173]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	7,4 %	5,5 %	6,5 %
В целом доволен	35,3 %	33,2 %	34,3 %
Нейтральное отношение	23,5 %	27,1 %	25,3 %
В целом недоволен	18,7 %	17 %	17,8 %
Крайне недоволен	11,4 %	11,6 %	11,5 %
Не знаю	3,7 %	5,6 %	4,6 %
Число респондентов	1109	1089	2198

рым мусульмане, родившиеся за рубежом, доверяют полиции больше, чем мусульмане, родившиеся в данной стране (15% vs. 11%). В дополнение к предшествующему опросу приведем также опрос, посвященный удовлетворенности действиями полиции (см. табл. 14). Как можно видеть, мусульманские респонденты здесь тоже демонстрируют довольно высокие результаты.

6.5. Этническое и религиозное профилирование. Высокая степень доверия к полиции и высокая удовлетворенность деятельностью полиции со стороны мусульман вовсе не означает, что полиция относится одинаково к представителям разных этносов и конфессий. Дискриминация в данной области является одной из важных общеевропейских проблем. Для обозначения дискриминации со стороны властных структур часто используется понятие «этнического профилирования» (или «религиозного профилирования»). В данном случае под «профилированием» понимается использование в отношении определенной группы лиц принудительных мер, которые базируются не на объективной характеристике ситуации, а на распространенных предрассудках и обобщениях, опирающихся на этнический, религиозный или иной фактор. Чаще всего этнорелигиозное профилирование применяется офицерами полиции, когда они решают, кого остановить на улице, у кого спросить документы, кого обыскать и кого арестовать. Оно может являться как результатом расистских взглядов одного индивидуума, так и общей институциональной тенденцией, характеризующей полицию. Европейская ситуация больше подходит под вторую характеристику. Помимо материалов ОФС, по данной проблеме имеется также подробное исследование Фонда Сороса за 2009 год [Ethnic Profiling 2009].

В результате работы с фокус-группами выяснилось, что почти 10% респондентов подвергались дискриминации со стороны полиции. Из них примерно треть были жителями Антверпена или Берлина (17% и 13% соответственно); наименьшая доля приходится на Лестер (3%). При этом мужчины подвергались дискриминации в два раза чаще, чем женщины. Другой важный вывод, полученный исследователями из Фонда Сороса, заключается в том, что этнорелигиозное профилирование не является ответной реакцией на события 11 сентября или другие теракты. Свидетельства ясно говорят о том, что полиция была вовлечена в этнорелигиозное профилирование задолго до того, как появилось ощущение террористической угрозы со стороны мусульман. Однако после 11 сентября 2001 года степень дискриминации

в данной области стала расти значительными темпами. В Британии азиаты в 3 раза чаще стали подвергаться расспросам и обыскам после 2001 года и в 5 раз чаще — после лондонских терактов 2005 года. В Германии активно проводится массовая проверка этнических меньшинств во всех местах, исключая территории крупных мечетей. Во Франции и Италии за последние годы отмечен значительный рост проверочных рейдов в мечети (чаще всего, они не имеют под собой оснований). Стоит также отметить специальное исследование, посвященное полицейским проверкам в Париже, которое было проведено в 2009 году специалистами из Фонда Сороса [Profiling Minorities 2009]; при тщательном изучении более 500 полицейских проверок выяснилось, что подавляющее большинство из них основаны на внешнем виде человека, а не на его поведении или действиях; темнокожие останавливались в 6 раз чаще белых французов, а люди с арабской внешностью — в 7,6 раз чаще.

Таким образом, современную ситуацию в данной области можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Не удивительно, что молодые участники фокус-групп настойчиво подчеркивали эту проблему в дискуссиях. Как афористично высказался молодой респондент из Антверпена, «если ты мусульманин, то ты виновен, пока не доказано обратное» [Antwerp 2011: 104]. Приведем также яркий пример, описанный гамбургской респонденткой: «Мой брат только заканчивал гимназию, и ему было 18 или 19 лет. Он носил бороду. Как-то раз он шел по подземному переходу вместе со своими одноклассниками и нес рюкзак, набитый книгами. Контролеры спросили его имя, поскольку он забыл паспорт. Другие ребята подтвердили, что его зовут именно так. Мой брат понял, что контролеры с беспокойством смотрят на его рюкзак. В тот момент, когда он открыл рюкзак, они испугались и отпрыгнули в сторону. Мой брат показал им книги, но они не поверили и отвели его в полицейский участок. Он подвергся оскорблениям из-за террористических атак 11 сентября, а также из-за его бороды и цвета кожи» [MIE 2010: 182].

6.6. Выводы. Одной из важных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в 3 раза чаще проживают в районах с доминирующим этническим или религиозным меньшинством; они в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии, но при этом большинство из них (56,4%) все-таки живут в окрестностях со смешанным населением. Другой проблемой является бедность мусуль-

Таблица 15.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к району? [МІЕ 2010: 70]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	28,1 %	27,8 %	27,9 %
Довольно сильное	42,5 %	44 %	43,3 %
Не особо сильное	19,7 %	20,4 %	20,1 %
Слабое	7,3 %	6 %	6,6 %
Не знаю	2,3 %	1,8 %	2,1 %
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 16.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к городу? [МІЕ 2010: 71]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	29,9 %	36,6 %	33,2 %
Довольно сильное	42,3 %	39,7 %	41 %
Не особо сильное	19 %	18,7 %	18,8 %
Слабое	6,7 %	4 %	5,3 %
Не знаю	2,1 %	1,1 %	1,6 %
Число респондентов	1110	1087	2197

Таблица 17.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к стране? [МІЕ 2010: 72]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	24,4 %	35,9 %	30,1 %
Довольно сильное	36,9 %	35,6 %	36,3 %
Не особо сильное	25,1 %	20,4 %	22,8 %
Слабое	10,1 %	6,4 %	8,3 %
Не знаю	3,4 %	1,7 %	2,5 %
Число респондентов	1110	1088	2198

Таблица 18 а.

Ощущаете ли вы себя британцем / французом / и т. д.? [МІЕ 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	49 %	77,1 %	63 %
Нет	51 %	22,9 %	37 %
Число респондентов	1105	1087	2192

Таблица 18 б.

Считают ли жители этой страны вас британцем / французом / и т. д.? [МІЕ 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	24,5 %	74,8 %	49,5 %
Нет	75,5 %	25,2 %	50,5 %
Число респондентов	1101	1084	2185

манских районов, она оказывает негативное влияние на интеграцию меньшинств. Несмотря на это, подавляющее большинство опрошенных мусульман (90%) довольны районом проживания. При этом мусульмане выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации; этническое и религиозное многообразие они видят залогом сохранения собственной идентичности и успешной интеграции. Проводимые на муниципальном уровне мероприятия по борьбе с сегрегацией являются неоднозначными, и они требуют улучшения. Стоит также отметить, что мусульмане в 6,5 раз чаще сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья.

В данный момент европейские власти справляются с обеспечением безопасности этнорелигиозных меньшинств. Однако требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти. Представители меньшинств проявляют высокую степень доверия по отношению к полиции; в некоторых городах этот показатель оказался значительно выше среди мусульман, чем среди немусульман. Мусульмане также в целом удовлетворены действиями полиции. Тем не менее отмечаются факты дискриминации на этнической и религиозной почве — этнорелигиозное профилирование. Ситуацию, сформировавшуюся после событий 11 сентября 2001 года и ряда европейских терактов, можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Ситуация в данной области требует улучшения.

7. Самоидентификация и социальное положение.

7.0. В данном разделе мы коснемся таких важных тем, как самоидентификация мусульман (чувство принадлежности к району, городу, государству и культуре), сплоченность и взаимодействие жителей района, политическая активность мусульман и их репрезентация в СМИ. Все эти темы напрямую связаны с проблематикой интеграции.

7.1. Ощущение принадлежности. В рамках ОФС подробно исследовано ощущение принадлежности мусульман к тому или иному региону (район, город, страна и др.), а также связь мусульман с европейской культурой. В *табл. 15* даны результаты опроса, касающегося ощущения принадлежности мусульман и немусульман к району проживания. Как можно видеть, ощущение принадлежности к району является довольно высоким, и оно не зависит от религии.

В Таблице 16 представлены данные по принадлежности к городу проживания. Результаты

мусульман сопоставимы с теми, которые касаются района проживания; в противоположность этому, немусульмане сильнее ассоциируют себя с городом, чем с районом проживания.

Когда мы обращаемся к проблеме государственной принадлежности, то возникает более сложная картина. Результаты соответствующего опроса даны в *табл. 17*. Как мы видим, большинство мусульман (61,3%) и немусульман (73%) устойчиво ассоциируют себя с государством проживания. Немусульмане склонны подчеркивать «очень сильную» принадлежность (36% vs. 24%), а немусульмане чаще, чем мусульмане, подчеркивают «не особо сильную» и «слабую» принадлежность (36% vs. 27%). Из анализа материалов по отдельным городам становится ясно, что мусульмане в целом ощущают принадлежность к району и городу сильнее, чем принадлежность к государству; немусульмане же сильнее ощущают принадлежность к государству, чем принадлежность к району или городу.

Важное открытие исследователей из Фонда Сороса заключается в том, что необходимо различать государственную (или гражданскую) принадлежность и принадлежность к культуре страны. Это различие иллюстрируется следующим высказыванием одного из мусульманских респондентов: «Чтобы ощущать себя немцем, нужно быть этническим немцем, поэтому я не могу ощущать себя немцем, я — гражданин Германии». В отличие от гражданской принадлежности, культурная принадлежность подразумевает самоидентификацию в качестве «немца», «британца», «француза» и т.д. В *табл. 18 (а)* представлены результаты опроса по культурной принадлежности. Очевидно, число мусульман, идентифицирующих себя с культурой данной страны, существенно меньше, чем число немусульман (49% vs. 77,1%). При этом, как следует из *табл. 18 (б)*, подавляющее большинство мусульман убеждены в том, что другие носители данной культуры не считают их частью своей культуры. Участник фокус-группы из Лестера комментирует свое убеждение следующим образом: «Нет, они не видят в нас британцев. Но это еще не все: даже дети наших детей не будут для них британцами, и неважно, сколько пройдет поколений; мне страшно из-за того, что они никогда не будут видеть в нас британцев... Мне иногда кажется, что, проявляя толерантность к нам, они еще больше отдаляются от того, чтобы принять нас, ведь между толерантностью и полным принятием имеется существенное различие» [Leicester 2010: 43].

Таблица 19.

Жители этого района охотно помогают друг другу? [МІЕ 2010: 243]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	14,5 %	14,7 %	14,6 %
Согласен	59,4 %	59,3 %	59,3 %
Не согласен	16,1 %	14,3 %	15,2 %
Полностью не согласен	4,4 %	2,7 %	3,5 %
Не знаю	5,6 %	9 %	7,3 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 20.

Жители этого района, имеющие разное происхождение, хорошо уживаются друг с другом? [МІЕ 2010: 61]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	13,3 %	11,4 %	12,3 %
Согласен	55,7 %	55,3 %	55,5 %
Не согласен	18,1 %	19 %	18,6 %
Полностью не согласен	3,6 %	4,0 %	3,8 %
Не знаю	7,9 %	8,6 %	8,3 %
Число респондентов	1109	1089	2198

Таблица 21.

Кому можно доверять в районе проживания? [МІЕ 2010: 63]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Большинству людей	21,4 %	35,8 %	28,5 %
Некоторым людям	45,9 %	44 %	45 %
Близким знакомым	26,3 %	17,4 %	21,9 %
Никому	6,4 %	2,7 %	4,6 %
Число респондентов	1093	1072	2165

Таблица 22.

Жители этого района придерживаются единых ценностей? [МІЕ 2010: 67]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	4 %	3,1 %	3,6 %
Согласен	34,8 %	25 %	29,9 %
Не согласен	39,3 %	41,8 %	40,6 %
Полностью не согласен	10,6 %	13,4 %	12 %
Не знаю	11,4 %	16,6 %	14 %
Число респондентов	1109	1088	2197

Несмотря на общие низкие результаты, имеет место широкое варьирование по отдельным городам. Города с наибольшим числом мусульман, считающих себя частью местной культуры, — это Лестер (82%), Лондон (72%), Амстердам (59%), Марсель (58%), Антверпен (55%); самые низкие показатели — в Гамбурге (22%) и Берлине (25%). Таким образом, самый высокий уровень принадлежности к местной культуре отмечен в Британии, а самый низкий — в Германии (что, вероятно, объясняется традиционно сильной связью турок с их родиной). Как показано в ОФС, имеется строгая корреляция между уровнем образования, наличием работы и ощущением культурной принадлежности, при этом, однако, степень религиозности (активная практика, внешние атрибуты и т. д.) не влияет на ощущение культурной принадлежности. Из этого можно заключить, что религиозность сама по себе не препятствует формированию культурной идентичности на местной основе. По мнению респондентов, барьеры создаются в основном из-за языка, этничности и иммигрантского бэкграунда.

7.2. Сплоченность. Сотрудниками Фонда Сороса была изучена специфика совместного проживания в районах со смешанным населением, а также в районах с доминирующими этническими меньшинствами. Были проведены опросы по таким темам, как желание помогать друг другу, наличие конфликтов, уровень доверия, общие ценности и др. Результаты в целом оказались неоднозначными: существуют как позитивные тенденции, говорящие о высокой степени социальной сплоченности, так и негативные показатели, говорящие о необходимости дальнейшего развития в данной сфере.

Самые позитивные результаты были получены в опросах о взаимопомощи и качестве совместной жизни. Результаты первого опроса даны в *табл. 19*, а результаты второго — в *табл. 20*. Мы видим, что подавляющее большинство мусульман и немусульман согласны с тем, что люди из одной окрестности охотно помогают друг другу (73,9% vs. 74%) и что люди из одной окрестности хорошо уживаются друг с другом (69% vs. 66,7%). Важно, что здесь нет существенного различия между результатами мусульман и немусульман. Это говорит, с одной стороны, об удовлетворенности мусульман жизнью в районе, а с другой стороны — о высокой степени участия. Стоит, однако, отметить, что, согласно результатам другого опроса, респонденты менее склонны считать, что жители их района связаны тесными узами друг с другом (45,8% — согласны, 43,2% — не согласны).

Уровень доверия к соседям в целом довольно высок. Результаты опроса по этой теме даны в *табл. 21*. Около 73,5% респондентов считают, что жителям их района можно доверять. При этом немусульмане значительно чаще считают, что большинству жителей района можно доверять, чем мусульмане (35,8% vs. 21,4%); в свою очередь, мусульмане чаще считают, что следует доверять малому числу людей или вообще не доверять никому (32,7% vs. 20,1%). Полученные результаты согласуются с другими материалами, в частности с докладом, подготовленным Министерством внутренних дел Великобритании; согласно этому докладу, мусульмане значительно меньше доверяют жителям района, чем рядовые граждане [Kitchen et al. 2005]. Ответы мусульман не зависят от пола и места рождения, но зависят от возраста: взрослые люди в 2,5 раза чаще склонны доверять окружающим, чем молодые мусульмане. Ответы мусульман также зависят от этнического и религиозного состава населения: чем больше людей того же этноса и той же религии проживают в данном районе, тем больше доверие мусульман к окружающим людям; то же самое характерно и для немусульман. Таким образом, в обеих группах наименьшее доверие выражено к районам со смешанным населением. Стоит также отметить, что уровень доверия к соседям значительно различается по городам: наибольшие показатели были получены в Амстердаме, Роттердаме, Лестере и Стокгольме; наименьшие — в Марселе и Лондоне.

Фундаментом интеграции в рамках ЕС выступают общие ценности, которые должны разделяться как иммигрантами, так и гражданами принимающего общества. Проблеме общих ценностей были посвящены два опроса. Результаты одного из них даны в *табл. 22*. Как мы видим, большинство респондентов (52,6%) считают, что жители их района не придерживаются единых ценностей; мусульмане больше склонны считать, что у жителей района имеются общие ценности, чем немусульмане (38,8% vs. 28,1%). Несмотря на преобладание скептической точки зрения по отношению к общим ценностям, в другом опросе было показано, что в действительности как мусульмане, так и немусульмане выделяют одни и те же ценности в качестве наиболее значимых для страны их проживания; кроме того, эти ценности соответствуют фундаментальным ценностям ЕС. Респондентов просили выделить четыре ценности, которые, по их мнению, наиболее важны для проживания в стране. Оказалось, что с точки зрения большинства респондентов принципиальное значение име-

Таблица 23.

Самые важные ценности для жизни в этой стране [МІЕ 2010: 68]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Уважение к закону	64,3 %	54 %	1300
Толерантность к людям	37,4 %	49,9 %	956
Свобода слова и выражения	49,5 %	61,5 %	1217
Уважение ко всем религиям	51,6 %	29,1 %	889
Справедливость и честность	28,7 %	36,9 %	719
Знание государственного языка	33 %	31,4 %	707
Уважением ко всем этносам	31,2 %	28,5 %	655
Равенство возможностей	41,3 %	44,1 %	937
Гордость за страну, патриотизм	8,5 %	12,4 %	229
Голосование на выборах	19,2 %	21,4 %	445
Свобода от дискриминации	27,7 %	27,4 %	605
Число респондентов	1110	1085	2195

Таблица 24.

Вы голосовали на последних федеральных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51 %	69,1 %	60 %
Нет	49 %	30,9 %	40 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 25.

Вы голосовали на последних муниципальных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51,2 %	65,8 %	58,4 %
Нет	48,8 %	34,2 %	41,6 %
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 26.

Уровень доверия к правительству [МІЕ 2010: 198]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	5,6 %	4,7 %	5,1 %
Довольно высокий	23,6 %	26,4 %	25 %
Недостаточный	37,3 %	41,1 %	39,2 %
Отсутствие доверия	24,1 %	22,1 %	23,1 %
Не знаю	9,4 %	5,7 %	7,6 %
Число респондентов	1109	1089	2198

Таблица 27.

Уровень доверия к парламенту [МІЕ 2010: 197]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	6 %	5,2 %	5,6 %
Довольно высокий	26,8 %	35,4 %	31,1 %
Недостаточный	38,8 %	38,4 %	38,6 %
Отсутствие доверия	15,3 %	13,4 %	14,4 %
Не знаю	13 %	7,5 %	10,3 %
Число респондентов	1108	1087	2195

ют свобода слова, уважение к закону и равенство возможностей. Интересно, что уважение к вере и толерантность оказались для мусульман более значимыми ценностями, чем для немусульман. Результаты опроса даны в *табл. 23*.

7.3. Политическая активность. Политическая активность, то есть вовлеченность в политическую деятельность и институты, является показателем социальной интеграции. Большое значение здесь имеет ощущение собственной вовлеченности в гражданский процесс, чувство влияния на политические решения местного и общенационального уровня. Между тем, одной из проблем остается ограниченная представленность мусульманского населения на выборах; из семи государств, исследованных Фондом Сороса, в шести право голоса на федеральных выборах принадлежит только гражданам государства. Исключением является Великобритания, где правом голоса обладают граждане британского Содружества, а также Кипра, Мальты и Ирландии. В Бельгии и Дании иммигрантам позволено участвовать в муниципальных выборах. Существующая ситуация предполагает, что значительная часть европейских мусульман не могут принимать участие в федеральных выборах¹⁵. В разных городах отмечена разная доля политически активного мусульманского населения. Более 80% исследованных мусульман Антверпена, Лестера, Роттердама, Стокгольма и Лондона могут принимать участие в федеральных и муниципальных выборах; более 80% мусульман Копенгагена могут принимать участие в муниципальных выборах, но лишь 52% — в федеральных. Низкие показатели были зафиксированы в Париже (41%), Берлине (51%), Гамбурге (57%) и Марселе (66%). В некоторых городах отмечены инициативы по расширению права голоса для мусульман на муниципальных выборах, но они не везде находят поддержку у городских властей.

Чтобы стать полноценным элементом политического процесса, право голоса должно получить реализацию в виде непосредственного участия в голосовании. Показатели явки мусульманских избирателей значительно разнятся по городам. В Амстердаме коренные голландцы гораздо чаще ходят на выборы, чем марокканцы или турки. В Лестере, напротив, самые высокие показатели отмечены среди этнических меньшинств. На избирательную активность

мусульманского населения может влиять дискурс исламских духовных лидеров, и он также неоднороден: встречается как отрицательная оценка гражданской активности, так и положительная оценка, вплоть до утверждения о том, что участие в выборах является обязанностью мусульманина (к первой точке зрения склонны представители радикальных и асоциальных направлений, ко второй — официальные репрезентативные организации). В *табл. 24* и *табл. 25* даны результаты опроса по поводу участия в голосовании. Как мы видим, мусульмане характеризуются в целом меньшей политической активностью, чем немусульмане.

Сотрудниками Фонда Сороса также был исследован уровень доверия мусульманского населения к правительству и парламенту. Результаты опроса даны в *табл. 26* и *табл. 27*. В целом мусульмане демонстрируют меньшее доверие к власти, чем немусульмане, но результаты обеих групп сопоставимы. Интересно, что среди мусульманских респондентов отмечена большая неопределенность: ответ «не знаю» давался ими почти в два раза чаще.

Мусульмане пока еще слабо представлены в органах власти и в политическом поле, однако степень их репрезентации значительно выросла за последние годы и, по-видимому, в дальнейшем она будет расти. В 2005 году в парламент Великобритании прошли 4 кандидата с мусульманским бэкграундом, а в 2010 году — уже 8 кандидатов (6 лейбористов и 2 консерватора); кроме того, с 2010 по 2012 год сопредседателем Консервативной партии была мусульманка Саида Варси. В 2009 году в немецкий бундестаг прошли 20 кандидатов с мусульманским бэкграундом, а на последних выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия мусульманской партии удалось впервые добиться положительного результата: «Альянс за мир и справедливость» («Bündnis für Frieden und Fairness») смог получить два мандата в муниципальном собрании. Но этот случай является исключительным. Общая тенденция заключается в том, что мусульманские кандидаты по всей Европе выдвигаются в рамках основных политических партий и очень часто скрывают свою идентичность. Они стремятся показать, что они представляют своих избирателей, а не особую этническую или религиозную группу. Французский сенатор, член социалистической партии Самия Гали замечает по этому поводу: «Я не хочу, чтобы меня воспринимали через призму моего происхождения... Давайте лучше говорить об образовании, медицине и строитель-

¹⁵ По оценкам исследователей Фонда Сороса, около трети мусульман, проживающих в странах ЕС, не имеют гражданства.

стве жилья». Стремление скрыть свою идентичность связано с традициями секуляризма и универсализма, которые формируют политическое поле. Любая демонстрация религиозной принадлежности может дискредитировать кандидата в глазах нерелигиозного или либерально настроенного большинства. Как замечает один из участников фокус-группы: «Если ты не религиозен, то твоя позиция будет рассматриваться как нейтральная, но если ты придерживаешься какой-либо религии, будь то ислам, христианство или иудаизм, ты не будешь рассматриваться как беспристрастный» [Copenhagen 2011: 208]. Стоит добавить, что хотя политические партии обычно дистанцируются от религиозных групп, все же они охотно идут на контакт с представителями религиозных или этнических меньшинств во время предвыборных кампаний; в частности, в ОФС отмечаются многочисленные инициативы со стороны ведущих европейских партий, направленные на налаживание контакта с этно-религиозными меньшинствами.

7.4. Масс-медиа. Средства массовой информации играют важную роль в распространении мнений и оценок, касающихся ислама, в создании образа ислама и мусульман, а также в освещении разнообразных областей жизни, так или иначе связанных с деятельностью мусульман. Тема «Европейские СМИ и мусульмане» чрезвычайно хорошо представлена в литературе, поэтому мы коснемся ее лишь вкратце.

Из многочисленных исследований, мониторингов, опросов и др. видно, что европейские СМИ имеют тенденцию изображать ислам в крайне негативном ключе, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Известно, что еще до событий 11 сентября 2001 года ислам в Великобритании представлялся как угроза для общества и его ценностей, а также ассоциировался с девиантностью и иррациональностью [Poole 2009; Richardson 2004]. Аналогичные характеристики доминировали в шведских новостных сообщениях за 1991–1995 годы, касавшихся ислама [Larsson 2007: 37]. Ситуация стала еще хуже после терактов 11 сентября. Из обзора печатных СМИ за 2000–2008 годы, проведенного К. Муром и коллегами, следует, что «основная часть новостей о британских мусульманах — примерно 2/3 — сфокусирована на мусульманах как на угрозе (в связи с терроризмом), проблеме (из-за различия ценностей) или на том и другом (исламский экстремизм в целом)»; при этом интересно, что лишь в 2008 году «сообщения, посвященные про-

блеме религиозных и культурных различий (32%), стали преобладать над сообщениями о терроризме (27%)» [Moore et al. 2008: 21, 3].

Анализ фокус-групп показал, что их участники очень озабочены представленным в СМИ образом ислама. Выражалось недовольство как чрезмерной популяризацией данной темы, так и постоянными негативными коннотациями. Лондонские респонденты высказали следующие соображения: «В центре внимания СМИ только «мусульманские экстремисты»; для улучшения ситуации необходимо разбираться с позицией среднего мусульманина и с его потребностями, но это невозможно сделать, если мусульмане не будут проявлять активность за пределами этнических меньшинств»; «Почему масс-медиа намеренно игнорируют мусульман, когда мусульмане делают что-либо позитивное? Мы вносим вклад в экономику, в систему здравоохранения, мы способствуем улучшению ситуации здесь, но СМИ всегда изображают мелкие проблемы, в которых они склонны обвинять мусульман. Почему так? Почему они не могут говорить о мусульманах в позитивном ключе?» [London 2012: 152]. Представляется, что объяснение сложившейся ситуации должно быть комплексным, при этом не последнюю роль здесь должен играть факт, тонко подмеченный Изабель Ригони: сами СМИ обусловлены институциональным контекстом и капиталистической системой, то есть у них всегда имеется необходимость привлечь большую аудиторию посредством сенсаций и «горячих тем».

В рамках исследования Фонда Сороса выяснилось, что респонденты подчеркивают важное различие между местными и федеральными СМИ в освещении ислама и мусульман. Местные СМИ в большей степени ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства; они не склонны представлять мусульман как гомогенную группу. Особенно сильно эта специфика подчеркивалась участниками фокус-групп из Лондона, Лестера и Копенгагена. Лондонский респондент высказал следующую мысль: «У нас нет проблем с местными СМИ, у нас с ними очень хорошие отношения. Они выполняют свои обязанности ответственно и этично. Что касается федеральных СМИ, то вы прекрасно знаете эту ситуацию. Они всегда изображают нас как фундаменталистов, террористов и экстремистов... Местные СМИ вовлечены в общее дело с нами, и они изображают нас так, как и должно быть, но вот с федеральными СМИ настоящая беда» [London 2012: 151]. Респондент из Лестера выразил интересную идею о том, что теплота отношения со стороны мес-

тных медиа обусловлено прагматическими факторами: «Местным СМИ нужна клиентура, им нужны люди из округа, которым можно было бы продать продукт... Например, в Лестере есть газета «Leicester Mercury», и если редакторы хотят, чтобы ее покупали, им следует быть осторожными в том, как они подходят к предмету обсуждения» [Leicester 2010: 116].

Помимо благоприятной ситуации на уровне местных медиа, отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях. Власти стали проявлять большую заинтересованность в проблеме представительства этнических и религиозных меньшинств в СМИ. В качестве реакции на однобокое мейнстримовое освещение ислама стали появляться локальные инициативы по созданию более благоприятного образа ислама (газеты, радио, блоги и др.). Отмечается также рост этнического разнообразия среди работников мейнстримовых СМИ. Наконец, как свидетельствуют материалы исследовательской группы «Миноритимедиа», в последние годы значительно выросло число мусульманских СМИ. Все это позволяет говорить о тенденции к преодолению однобокого освещения ислама и о начале формирования «мусульманской публичной сферы» в европейском медиадискурсе.

7.5. Выводы. Взаимопомощь и взаимное приращение находятся на высоком уровне; степень доверия к соседям также довольно высока, но среди мусульман часто развито недоверие к соседям. Мусульмане и немусульмане придерживаются примерно одинаковых фундаментальных ценностей, но при этом часто считают, что у их соседей иные приоритеты. Можно сделать вывод, что ощущение ценностного единства не имеет принципиального значения, когда речь идет о хороших соседских отношениях и взаимопомощи.

Политическая активность мусульман является более низкой, чем политическая активность немусульман; среди мусульман, имеющих право голоса, лишь половина ходят на выборы. Уровень доверия к правительству и парламенту незначительно ниже среди мусульман, чем среди немусульман. Приверженцы ислама слабо представлены в органах власти и на политическом поле, но степень их репрезентации растет. При этом они действуют преимущественно в рамках политического мейнстрима.

Европейские масс-медиа предпочитают изображать ислам в крайне негативном виде, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Но респонденты подчеркивают принципиальное различие между местными и федеральными СМИ: мес-

тные СМИ ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства, и в них ислам представлен в позитивном виде. Отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях, что свидетельствует о формировании самостоятельной мусульманской сферы в европейском медиадискурсе.

8. Перспективы ислама в Европе

Материалы отчетов Фонда Сороса, а также другие современные исследования, позволяют составить общее представление о текущем положении мусульман в странах «первого эшелона исламизации» ЕС. Вопреки распространенному мнению, мусульмане не живут в Европе «параллельной жизнью» и не формируют «параллельное общество». В некоторых сферах они действительно менее активно включены в общественную жизнь, но налицо положительные тенденции, свидетельствующие о перспективах роста вовлеченности мусульман. Важным барьером для этого выступает дискриминация по религиозному и этническому признаку. Однако уровень дискриминации не является катастрофически высоким, и прилагаются серьезные усилия для того, чтобы минимизировать данный фактор. На муниципальном, федеральном и национальном уровнях ведется активная работа в этом направлении. Стоит отметить, что по целому ряду опросов мусульмане показывают приблизительно те же результаты, что и немусульмане. Например, это касается таких важных опросов, как «Удовлетворены ли вы муниципальным жильем?», «Доверяете ли вы полиции?», «Удовлетворены ли вы действиями полицией?», «Какие ценности наиболее важны для жизни в этой стране?», «Доверяете ли вы правительству?», «Доверяете ли вы парламенту?», «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» и др. Все это позволяет говорить о том, что социальный и гражданский статус мусульман в этих сферах близок к статусу среднего коренного жителя. В тех же областях, где он еще далек от среднего, налицо явная тенденция к приближению.

При оценке перспектив ислама в Европе необходимо учитывать следующие факторы: 1) положение мусульман в сфере образования, на рынке труда, их жилищные условия, модель расселения, социальную защищенность, ощущение принадлежности, идентификацию, политическую активность, представленность в масс-медиа и др.; эти проблемы довольно подробно освещены нами в главах 4–7, и основной вывод заключается в том, европейские страны постепенно преодолевают этап сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в эпоху, когда меньшинс-

тва будут активно интегрироваться в социальную действительность; 2) демография европейского ислама; этот вопрос вкратце рассмотрен нами в главе 2, основной вывод заключается в том, что численность мусульманского населения будет расти (за счет иммиграции и высокого коэффициента фертильности), но здесь не предвидится резких скачков, так что исламизация Европы идет умеренными темпами; 3) стратегия европейской политики по поводу интеграции; эта проблема рассмотрена нами в главе 3, интеграция понимается как динамический процесс взаимного приспособления, в который вовлечены как иммигранты, так и принимающее общество; так понятая интеграция подразумевает модификацию принимающего общества и отсутствие полной ассимиляции иммигрантов, и именно с этим долгосрочным проектом связаны все инициативы, предпринимаемые на уровне Евросоюза; 4) политический контекст; этот вопрос частично затронут в главе 3, но мы не стали останавливаться на политических партиях и проблемах представительства, так как данный вопрос напрямую не касается основной темы исследования; можно предположить, что даже резкая реорганизация политического поля в отдельных государствах (скажем, возрождение светского национализма) не сможет повлиять на базовую интеграционную стратегию, действующую на уровне Евросоюза.

Итак, с учетом данных обстоятельств попытаемся обрисовать перспективы европейского ислама. Разумеется, при прогнозировании невозможно учесть все факторы, особенно глобального типа, поэтому наша проекция должна рассматриваться как наиболее вероятный сценарий эволюционного развития событий. Рассмотренные материалы позволяют сразу отбросить несколько абсолютно неправдоподобных проекций. Например, невероятным сценарием является «модель Еврабии», предложенная Жизель Литман [Littman 2005]. Согласно этой модели, Европа в ближайшее время будет поглощена мусульманами, что является частью намеренной европейской политики, ориентированной на союзнические отношения с арабскими странами в противоборстве США и Израилю. Ввиду своей конспирологичности, данная теория пользуется дурной славой в академических кругах, и как мы видим из авторитетных демографических проекций, представленных центром «Пью», на то есть все основания¹⁶. Среди дру-

гих невероятных концепций можно упомянуть модель правового плюрализма и модель автономий. Согласно первой модели, будет введена дифференциация правовых норм для разных групп; мусульмане тогда могли бы получить особые права, которые ограничивали бы их в сравнении с основной частью населения. Ясно, что «богатый» в данном отношении исторический опыт Европы делает невозможным что-либо подобное. Согласно второй модели, мусульманам будет предоставлена региональная автономия. Разумеется, для всех стран «первого эшелона исламизации» это также абсолютно неправдоподобный сценарий. Можно привести еще множество экстравагантных теорий, но сейчас нет необходимости на них останавливаться. Попробуем рассмотреть реальные сценарии развития событий.

Первый сценарий мы бы обозначили как «подъем национализма». Речь идет преимущественно о светском национализме, но в каких-то случаях он может приобретать и религиозные коннотации (например, немецкий протестантизм vs. ислам или христианская нация vs. ислам). Ультраправая националистическая политика будет проявляться в жестких иммиграционных ограничениях и в мерах, стимулирующих активную интеграцию или, точнее, ассимиляцию этнорелигиозных меньшинств (разумеется, это требует официального закрепления дискриминирующих факторов); в конечном счете, такая политика может привести к стабилизации доли мусульман на уровне 6–8% или даже к сокращению их числа. Пока что данный сценарий расходится с глобальной стратегией европейских политиков, но для него имеются некоторые косвенные предпосылки.

Социальные опросы свидетельствуют о высоком уровне недовольства и страхе перед складывающейся ситуацией. Современный европеец еще недостаточно «обработан» идеологически, чтобы добровольно приветствовать мультикультурализм и радоваться тому, что его родная культура подвергается фатальным трансформациям. Европейским идеологам потребуется еще немало времени, чтобы воспитать нового «мультикультурного» европейца, и этот процесс будет проходить крайне болезненно. Один из симптомов — это поддержка правых и ультраправых партий, которые с 1980-х годов устроили свое представительство в парламентах европейских государств (см. подробнее об этом [Givens 2005]). Так, в Нидерландах правая «Партия свободы» на выборах 2010 года заняла третье место, набрав 15,5% голосов; крайне правая «Австрийская партия свободы» на федеральных выборах 2008 года

¹⁶ Впрочем, в политической делегитимизации Израиля, поддерживаемой европейскими странами, нет ничего невероятного; это могло бы стать следствием усиления мусульманского электората в обозримом будущем.

набрала 17,5% голосов, при этом на муниципальных выборах 2010 года в Вене она набрала 27% голосов; бельгийская правая партия «Фламандский интерес» на последних выборах получила 7,76%. Другим обстоятельством, которое делает возможным подъем национализма, является экономический кризис. Европа вступила в длительный период стагнации, который будет сопровождаться ростом безработицы и падением уровня жизни. Это может способствовать росту общего недовольства, поискам «внешнего врага» и социальным потрясениям.

Подъем национализма в глобальном масштабе является реалистичным сценарием, но, по нашему мнению, его вероятность не слишком высока. Несмотря на явный рост правых и ультраправых в Европе, их представительство все еще остается ограниченным, и они далеки от того, чтобы формировать мейнстрим современной политики. Учитывая исторический опыт Европы, сложно представить ситуацию, при которой ультраправые вообще стали бы мейнстримом. Что касается экономического фактора, то в долгосрочной перспективе резкое ограничение иммиграции не является желательным сценарием для Европы, поскольку европейское население сильно стареет, и европейская экономика нуждается в иммигрантах. Разумеется, правая и ультраправая политика потребовала бы отказа от либеральных интеграционных и иммиграционных стратегий, что также вряд ли возможно, учитывая общеевропейский идеологический климат.

Вторая перспектива европейского ислама может быть обозначена как «консервация нынешнего состояния». В рамках этой модели интеграция перейдет в длительный вялотекущий процесс, который очень слабо будет затрагивать (если вообще будет) быт и социальное положение мусульман; иначе говоря, этнорелигиозные меньшинства как бы «повиснут» между сегрегацией и полноценным включением в гражданское общество: они по-прежнему будут составлять второсортное общество, останутся объектом многочисленных форм дискриминации, будут представляться в негативном ключе в СМИ и т. д. Этот вариант может рассматриваться как результат компромисса между современной политической конъюнктурой и получающими популярность правыми партиями. Прежняя «интеграционная» риторика, конечно, сохранится, но конкретные действия будут предприниматься менее активно. Экономическая стагнация может также поспособствовать «замораживанию» проекта интеграции. Этот сценарий реален, но он не кажется нам

слишком правдоподобным. Главный аргумент здесь — демографический. Мусульманское население растет в процентном отношении (ср. также возрастную структуру), и его сложно сдерживать в границах гетто, не считаясь с его мнением.

Между этими двумя сценариями возможны пограничные варианты, которые сочетали бы в себе элементы первого и второго сценария. Безусловно, при наличии политической воли и социального запроса замедлить и даже остановить исламизацию Европы возможно. Но нам представляется, что такое развитие событий маловероятно — прежде всего, по идеологическим соображениям. Мы бы оценили шансы этих моделей на 15%: итого — 30% на две модели. Остальные 70% приходятся на третью модель, которую мы обозначаем как «десегрегация и умеренная интеграция». Эта модель представляется нам наиболее реалистичной.

Модель «десегрегации и умеренной интеграции» предполагает, что современные тенденции сохранятся, и они приведут, с одной стороны, к изменениям внутри европейского ислама, а с другой стороны — к модификации европейского общества (что и предполагает логика «интеграционного процесса», согласно идеологам ЕС). Социальная интеграция будет активно продвигаться, по меньшей мере, еще несколько десятилетий. Мы сейчас находимся на ранней стадии данного процесса. Для мусульман это будет означать не ассимиляцию, но, скорее, приспособление к реалиям европейской жизни. Вероятно, на выходе мы получим умеренный и более либеральный вариант ислама, который слабее связан с этнокультурными корнями. Та форма «евроислама», которую проповедует Тарик Рамадан, вполне соответствует такому «исламу будущего»: она предполагает сочетание европейской идентичности, западного образа жизни, активной гражданской позиции с исламским универсализмом. Можно с уверенностью сказать, что полная ассимиляция мусульман невозможна, так что следует ожидать интеграцию с сохранением религиозной идентичности. Сейчас наиболее прогрессивно этот подход реализуется в Великобритании, о чем свидетельствуют результаты некоторых исследований. Так, по опросу за 2012 год, 86,4% мусульман Британии ощущают себя британцами, 83% гордятся тем, что они британцы, 82% хотят жить в поликультурном обществе; но при этом лишь 7% называют в качестве своей главной идентичности британскую, 81% же думают о себе, в первую очередь, как о мусульманах. Религиозная идентичность, безусловно, останется доминирующей

(как у большинства религиозных людей), но чувство патриотизма и принадлежности к европейской культуре будет расти.

Из модели «умеренной интеграции» следует, что европейское общество также будут ожидать важные перемены. Вот уже несколько десятилетий мы находимся в точке «абсолютного максимума» либерализма — доведенной до абсурда политкорректности и «свободы-от» (которая легитимизирует освобождение человека даже от пола). Можно предположить, что рост числа мусульман и рост их влияния будет сопровождаться возрождением консерватизма и морали. Вряд ли через 20–30 лет мы сможем наблюдать гей-парады в центре Лондона, и едва ли мэр Берлина сможет открыто заявлять о своей гомосексуальной ориентации во время предвыборной кампании. Вероятно, де юре подобные негласные правила никак не будут закреплены, но де факто они будут существовать в сознании электората (ср. с ситуацией в России). Это будет сопровождаться демографически обусловленным ростом религиозности и усилением политических позиций мусульманского электората, что хорошо описано в работе Эрика Кауфмана. Таким образом, через несколько десятилетий мы должны увидеть консервативную Европу, отошедшую от гипертрофированного либерализма и поставленную в рамки традиционных ценностей. В этом случае мы будем свидетелями рождения новой европейской идентичности, запрос на которую имеется уже сейчас.

Данный прогноз относится, прежде всего, к странам мусульманской иммиграции. Предполагается, что эти страны будут подтягивать менее исламизированные государства Европы по следующей логике развития: гастарбайтеры => сегрегация => десегрегация и умеренная интеграция => активная роль в формировании повестки дня и новой идентичности. Ситуация со странами, которые являются носителями традиционного ислама, не вполне ясна. В некоторых из них (например, Польша, Литва, Латвия) традиционный ислам, представленный преимущественно татарами, вымывается иммигрантами. В других странах (например, Албания, Босния и Герцеговина, Россия) позиции традиционного ислама сильны, и там вряд ли предвидятся серьезные изменения.

Итак, модель «десегрегации и умеренной интеграции» должна привести к росту консерватизма и формированию новой европейской идентичности, характер которой еще не вполне ясен. Может возникнуть вопрос: если эта модель отвечает нынешней интеграционной стратегии,

то почему она приведет к результатам, которые не соответствуют ожиданиям европейских политиков? На самом деле, в этом нет ничего удивительного. У европейских политиков отсутствует реалистичное представление о том, чем является «мультикультурное общество с равным уважением прав всех граждан»; например, никто не сможет объяснить, как в таком обществе будут сосуществовать разнообразные «правовые» формы содомии, чья легитимизация является заслугой европейской культуры, с не менее «правовыми» формами исламской практики, которая ничего подобного не приемлет и всячески этому противится. Модель совместного «мирного» жития в рамках мультикультурного общества является утопией, поскольку она пытается универсализировать некоего «чистого субъекта», «универсального гражданина», согласного признавать право другого на пропаганду гомосексуализма, смену пола, поедание свинины (или говядины), займы под процент или рисование карикатур на Мухаммеда и Христа. Но реально такой «чистый гражданин» нигде не встречается, ибо даже западный человек «нечист», и за западным гражданином стоит определенная идентичность — в чем-то христианская, в чем-то историческая — иначе чем объяснить тюремные сроки за мнение, пусть и ошибочное, о том, что Холокоста не было? Универсальный гражданин мультикультурной утопии — это не тот, кто признает права человека (ведь реально никто знает каковы пределы этих «прав»), а тот, кому в наибольшей мере все равно и кто готов закрывать глаза на все, что напрямую не касается его личных интересов. «Чистый субъект» мультикультурализма и вообще всего либерализма — это латентный европеец. Вероятно, иллюзия «мультикультурного общества», в котором граждане априори индифферентны друг к другу, а, по сути, отчуждены друг от друга, является главным воздушным замком современной европейской идеологии — той идеей, которая ведет теперь уже старую Европу к самоаннигиляции.

Список литературы

- ABHP 2004 — Office for Standards in Education. Achievement of Bangladeshi heritage pupils. HMI 513, London, HMSO, 2004.
- Agenda 2008 — Renewed Social Agenda: Opportunities, access and solidarity in 21st century Europe. Brussels, 2008 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0412:FIN:EN:PDF>
- Amsterdam 2010 — Muslims in Amsterdam. At Home in Europe Project, Open Society Institute,

New York–London–Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-amsterdam-report-en-20101123_0.pdf

Antwerp 2011 — Muslims in Antwerp. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2011 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-antwerp-en-20110913_0.pdf

Copenhagen 2011 — Muslims in Copenhagen. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2011 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-copenhagen-en-20110428_0.pdf

Berlin 2010 — Muslims in Berlin. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-berlin-corrected-en-20100527_1.pdf

Berthoud, Blekesaune 2007 — *Berthoud R. Blekesaune M.* Persistent employment disadvantage, DWP Research Report No. 416, Norwich, Department for Work and Pensions, 2007.

Bolt et al. 2008 — *Bolt G., van Kempen R., van Ham M.* Minority Ethnic Groups in the Dutch Housing Market: Spatial Segregation, Relocation Dynamics and Housing Policy // *Urban Studies* 45 (7).

Clarke, Drinkwater 2007 — *Clarke K. Drinkwater S.* Ethnic minorities in the Labour Market: Dynamics and Diversity. York: Joseph Rowntree Foundation, 2007.

Conclusions 2007 — Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on the strengthening of integration policies in the European Union by promoting unity in diversity. 2807th Justice and Home Affairs Council meeting, Luxembourg, 12 and 13 June 2007 // http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/jha/94643.pdf.

Decision 2005 — Council Decision of 12 July 2005 on Guidelines for the employment policies of the Member States // *Official Journal of the European Union*, L 205/25, 6 August 2005.

Decision 2008 — Decision No. 1983/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the European Year of Intercultural Dialogue, 2008 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:412:0044:0050:EN:PDF>

EPIA 2008 — Council of the European Union. European Pact on Immigration and Asylum, 24 September 2008 // <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st13/st13440.en08.pdf>

ET 2009 — Council conclusions of 12 May 2009 on a strategic framework for European cooperation in education and training ('ET 2020') // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/educ/107622.pdf

Ethnic Profiling 2009 — *Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective,*

and Discriminatory. New York: Open Society Institute, 2009 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/profiling_20090526.pdf

Eurobarometer 2012 — Discrimination in the EU in 2012. Special Eurobarometer 393 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_393_en.pdf

Givens 2005 — *Givens T.* Voting Radical Right in Western Europe. Cambridge University Press, 2005.

Hamburg 2010 — Muslims in Hamburg. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York–London–Budapest, 2010 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-hamburg-en-20100629.pdf>

Handbook on Integration 2010 — Handbook on Integration for policy-makers and practitioners. Third edition, April 2010 // http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/doc1_12892_168517401.pdf

Heath et al. 2008 — *Heath A., Rothon C., Kilpi E.* The second generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment // *Annual Review of Sociology* 34. P. 211–235.

Heckmann 2008 — *Heckmann F.* Education and the Integration of Migrants Challenges for European Education Systems Arising from Immigration and Strategies for the Successful Integration of Migrant Children in European Schools and Societies. NESSE Analytical Report 1 for Directorate General Education and Culture, 2008.

JHA 2004 — Council of the European Union. Press Release. 2618th Council Meeting. Justice and Home Affairs. Brussels, 19 November 2004 // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/82745.pdf

Kaariainen 2007 — *Kaariainen J. T.* Trust in the Police in 16 European Countries: A Multilevel Analysis // *European Journal of Criminology* 4. P. 409–435.

Kenway, Palmer 2007 — *Kenway P., Palmer G.* Poverty among ethnic groups how and why does it differ? York: Joseph Rowntree Foundation / New Policy Institute, 2007.

Kitchen et al. 2005 — *Kitchen S., Michaelson J., Wood N.* Citizenship Survey: Community Cohesion Topic Report, Department of Communities and Local Government, London, 2006.

Larsson 2007 — *Larsson G.* Muslims in EU Cities: Preliminary Research Report and Literature Review — Sweden. Budapest: Open Society Institute, 2007.

Leicester 2010 — Muslims in Leicester. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-leicester-20110106_0.pdf

Littman 2005 — *Bat Ye'or.* Eurabia: The Euro-Arab Axis. Fairleigh Dickinson University Press, 2005.

London 2012 — Muslims in London. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2012 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-london-20120715.pdf>

- Marseille 2011 — Muslims in Marseille. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2011 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-marseille-en-20110920.pdf>
- MIE 2010 — Muslims in Europe: A Report in 11 EU Cities. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2010 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-europe-20110214_0.pdf
- Modood 2006 — *T. Modood*. Ethnicity, Muslims and higher education entry in Britain // *Teaching in Higher Education* 11 (2), 2006.
- Moore et al. 2008 — *Moore K., P. Mason P., Lewis J.* Images of Islam in the UK: The Representation of British Muslims in the National Print News Media 2000–2008. Cardiff School of Journalism, Media and Cultural Studies, Cardiff, 2008.
- Paris 2012 — Muslims in Paris. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2012 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-paris-20120720.pdf>
- Pew 2011 — The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Forum on Religion and Public Life, 2011 // http://www.pewforum.org/uploadedFiles/Topics/Religious_Affiliation/Muslim/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf
- Poole 2009 — *Poole E.* Reporting Islam: Media Representations of British Muslims. London, 2009.
- Profiling Minorities 2009 — Profiling Minorities. A Study of Stop-and-Search Practices in Paris. New York: Open Society Institute, 2009 // http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/search_20090630.Web.pdf
- Richardson 2004 — *Richardson J.* (Mis)representing Islam: The racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. John Benjamins Publishing Company, 2004.
- Rotterdam 2010 — Muslims in Rotterdam. At Home in Europe Project. New York–London–Budapest: Open Society Institute, 2010 // <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-rotterdam-report-en-20101119.pdf>
- Schonwalder, Sohn 2009 — *Schonwalder K., Sohn J.* Immigrant Settlement Structures in Germany: General Pattern and Urban Levels of Concentration of Major Groups // *Urban Studies* 46 (7). P. 1439–1460.
- Smets, den Uyl 2008 — *Smets P., den Uyl M.* The Complex Role of Ethnicity in Urban Mixing: A Study of Two Deprived Neighbourhoods in Amsterdam // *Urban Studies* 45 (7). P. 1439–1460.
- Sylva et al. 2004 — *Sylva K., Melhuish E., Sammons F., Siraj-Blatchford I., Taggart B.* Effective provision of preschool education (EPPE) project: Final Report, DfES, London, 2004.
- Yearbook 2009 — Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill, 2009.
- Yearbook 2010 — Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Vol. 2. Leiden–Boston: Brill, 2010.
- Zegers de Beijl 2000 — *Zegers de Beijl R.* (ed.). Documenting discrimination against migrant workers in the labour market. A comparative study of four European countries. Geneva: ILO, 2000.
- Zimmerman et al. 2008 — *Zimmerman K.F. et al.* Study on the Social and Labour Market Integration of Ethnic Minorities, IZA Research Report. 2008. № 16 // http://www.iza.org/en/webcontent/publications/reports/report_pdfs/iza_report_16.pdf